

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил НЕСТЕРОВ

СТАЛИНСКИЙ СОКОЛ

КОМЭСК

Михаил Петрович Нестеров
Сталинский сокол. Комэкск
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Сталинский сокол», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43472912
Сталинский сокол. Комэкск: Яуза, Эксмо; М.; 2019
ISBN 978-5-04-102569-4

Аннотация

Военный летчик ВКС Российской Федерации Олег Северов после гибели попадает в прошлое. Он снова молод и здоров, но на дворе весна 1941 года, скоро начнется Великая Отечественная война, а у него на руках направление в истребительный авиаполк, дислоцирующийся на территории Западной Украины. Шансов выжить в жуткой «мясорубке» первых недель войны немного...

Знания и опыт, накопленные в прошлой жизни, позволяют Северову не только успешно противостоять хваленым «экспертам» Люфтваффе, но и по крупицам изменять ход истории. Вскоре он становится командиром эскадрильи, пилотов которой за успехи в борьбе с захватчиками командование и боевые товарищи называют «бессмертными».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	41
Глава 3	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Михаил Нестеров

Сталинский сокол. КомЭск

© Нестеров М., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Моим родителям, моим бабушке и дедушке
посвящается*

Выражаю глубокую признательность коллегам и администрации форума «В вихре времен» за помощь в работе над произведением

Пролог

Стоял теплый солнечный весенний день 8 мая 2015 года. На лавочке в одном из скверов г. Санкт-Петербурга сидел человек средних лет и, глядя на играющих неподалеку малышей, улыбался и щурился на солнце.

Олег Андреевич Северов, сорока девяти лет от роду, подполковник авиации в отставке, пребывал в философском расположении духа. Виной этому была простая мысль – через три месяца ему должно исполниться пятьдесят лет. Полтинник, это такой рубеж, когда не грех оглянуться назад и подвести некоторые итоги. Этим он сейчас и занимался.

Олег родился в семье, в которой мужчины давно избрали своей профессией военную службу, не оставались в стороне и женщины. Отец был офицером спецназа военной разведки, мама военным медиком, бабушка во время войны служила переводчиком в армейской разведке. Дед, генерал-лейтенант в отставке, прошедший все войны и конфликты, начиная с Халхин-Гола, в воспитании единственного и горячо любимого внука принял живейшее участие, тем более что родители маленького Олега часто мотались по командировкам. Учеба в школе давалась легко – Олег и без того обладал быстрым и цепким умом, схватывал все на лету, очень быстро читал. Так что времени для занятий в спортивных секциях было достаточно, с подачи деда Олег посещал пуле-

вую стрельбу и рукопашный бой. Секцию рукопашного боя вел для детей офицеров отставной инструктор под маркой начальной военной подготовки. Бабушка, хорошо знавшая языки, с раннего детства занималась с ним немецким и английским. Мальчик имел фонематический слух, что позволило ему в конечном счете иметь очень хорошее произношение, соответствующее нижнепрусскому диалекту. Школу с языковым уклоном Олег мог окончить с медалью, хотя такую задачу перед собой не ставил. Учительница по литературе в старших классах отчего-то его невзлюбила, ставила четверки за сочинения, ссылаясь на помарки в тексте – черновики Олег не любил, писал сразу в чистовик. Так что аттестат о среднем образовании получился очень неплохой, но на медаль не тянул, что его обладателя несколько не расстроило.

По мере приближения последнего школьного звонка приходило время принятия решения – куда идти учиться. То, что он пойдет в военное училище, подразумевалось само собой, вопрос был в том, какую военную профессию выбрать. Редкий мальчишка не мечтает стать десантником, Олег исключением не был, занятия стрельбой и рукопашным боем прекрасно укладывались в эту идею. Но посещение секции парашютного спорта принесло неожиданный результат. На одном из занятий знакомый деда, занимающийся самолетным спортом, предложил прокатить его на учебной спарке. В этот день безвозвратно погиб будущий десантник Северов и родился летчик.

По окончании школы Олегу посчастливилось поступить в Качу, которую он и окончил в 1986 году, после чего был направлен для дальнейшего прохождения службы в 190-й истребительный авиационный полк и вскоре оказался в Афганистане, где уже находились в командировке оба родителя. Летал на «МиГ-23МЛД», работал по наземным целям, кружил с пакистанскими истребителями. Два года, проведенные на той войне, принесли ордена Красной Звезды и Боевого Красного Знамени, звездочки старшего лейтенанта и потерю отца, а также неожиданный опыт. Ни один «МиГ-23» в Афгане сбит не был, но пару раз Северова приземлили. Первый раз в качестве пассажира «Ми-8», пришлось отбиться от наседавших духов и уходить к точке эвакуации. Помогли серьезная подготовка в училище и занятия в спортивных секциях еще в школьные годы. Второй раз «подбросили» на «Ми-24», бегать не пришлось, держали оборону у сбитой вертушки, пока не пришла помощь. Друзья подкалывали, что «Бог любит троицу», но обошлось.

В 1991 году страна, которой он принес Присягу, прекратила свое существование, но Олегу вновь посчастливилось, оказался на территории России. Глядя на творившееся вокруг, получил предложение и принял решение, о котором впоследствии ни разу не пожалел, переучился на «Су-25», стал летчиком-штурмовиком. Вскоре началась Первая чеченская, в которой заместитель командира эскадрильи 461-го штурмового авиационного полка капитан Северов при-

нял самое непосредственное участие. «Красные собаки» потерь не понесли, но Олег от всего происходящего испытывал сложные чувства, выразить которые в рамках цензуры было не так просто. А у самого Северова потери были, погибла мама, майор медицинской службы. Машина, в которой она ехала, была обстреляна боевиками. Дед с бабушкой пережили ее ненадолго. Так что очередная война принесла новый боевой опыт и разочарование в талантах и мудрости высоких руководителей армии и государства. Впрочем, Северов научился четко различать понятия Родины и государства. Государство – это люди у власти. Они могут продать и предать, не выполнить взятые ранее обязательства, они платят деньги за службу и считают, что имеют право превращать в бизнес все – службу Родине, науку, искусство, лечение и обучение людей. Северов решил для себя, что он служит Родине, преданность которой не может измеряться размерами зарплаты. И верил, что этот бардак закончится и понятия Родины и государства будут гораздо ближе друг к другу.

До начала Второй чеченской Олег окончил Военно-воздушную академию им. Ю.А. Гагарина и получил звание майора. Известие о ликвидации родного училища в 1998 году воспринял очень болезненно, но на общем фоне это не выглядело чем-то из ряда вон выходящим. Многие однокурсники давно покинули ряды ВВС, но Северов продолжал служить и верить, верить в необходимость своей службы, в абстрактное светлое будущее, в то, что он еще нужен сво-

ей стране и своим товарищам. Со сменой власти появилось ощущение, что долгожданные изменения начались. Вторая чеченская прошла не так, как Первая, и Северов стал думать не просто о службе, а о карьере. По крайней мере в августе 2008 года в Южной Осетии подполковник Северов был уже заместителем командира полка, а наличие двух орденов Мужества и ордена Святого Георгия 4-й степени в дополнение к советским наградам позволяло не теряться в общей массе заслуженных военных летчиков. Но все рухнуло в одночасье, когда случился конфликт с доверенным лицом самого Табуреткина и Олег стремительно вылетел на пенсию, несколько не жалея о сделанном и сказанном, но навсегда простившийся с возможностью подняться в небо в кабине боевого самолета. Самое обидное заключалось в том, что здоровье как раз позволяло это делать без всяких ограничений. Медицина уже закрыла небо большинству однокурсников Северова, а он, не без оснований надеявшийся летать еще хотя бы несколько лет, вдруг остался не у дел.

Но повезло еще раз, нашел себя в самолетном спорте. Самые высоких спортивных званий не получил, все-таки уже за сорок, но в число сильнейших пилотажников входил. Неплохое знание двух языков облегчало общение на международных соревнованиях, по миру поездил изрядно. Пришлось даже принять участие в съемках фильма про летчиков-истребителей времен Великой Отечественной войны, взлетал, садился, изображал с коллегами воздушный бой.

В общем, грех было жаловаться на скучную серую жизнь, да и денег хватало. Была просторная родительская квартира, был спортивный мотоцикл Yamaha R6, была приличная машина – Toyota Camry. Вот только разделить все это было не с кем, так и не обзавелся семьей. Пока мотался по горячим точкам, учился, снова воевал, время шло, да и мечтающих выйти замуж за военного в постсоветской России изрядно поубавилось.

Вот и сидел отставной подполковник авиации, кавалер пяти боевых орденов в самом философическом настроении и смотрел на играющих детей. Чужих. И думал о том, что в одном был все это время не прав, в том, что откладывал личную жизнь на потом. Это потом давно наступило, а личная жизнь так и не наладилась. Нет, женщины были, но длительные серьезные отношения как-то не складывались. Так что оставалось лишь сидеть на лавочке и наблюдать за чужими детьми.

На следующий день будет 9 мая, День Победы, праздник, который в их семье всегда был самым главным. Дед и бабушка всю войну прошли во фронтовой разведке, бабушка демобилизовалась после Победы. На праздник к ним всегда приходили их сослуживцы, или они сами ходили к ним в гости и брали с собой Олега.

В преддверии праздника накатила меланхолия, что вообще с ним случалось крайне редко. По всему получалось, что свои пятьдесят лет прожил вроде бы не зря, а после себя что

оставил? Впервые в жизни сердце зацарапала такая тоска, что Олег вдруг понял тех, кто с этой тоски пьет.

Отстраненно наблюдающий за беготней детей Северов увидел, что к лавочке на противоположной стороне аллеи подошел молодой человек со спортивной сумкой, но не сел, остался стоять, озираясь по сторонам. Выражение лица у него было откровенно глуповатое, и вообще он был похож на человека под воздействием наркотиков. Нарки не были, к сожалению, редкостью, и Олег уже отвернулся, когда услышал хлопок. Инстинктивно повернувшись на звук, он увидел, что по асфальту катится граната, а наркот смотрит на нее с идиотской ухмылкой. Отбросить? Не успеть, да и люди кругом. Значит, закрыть гранату собой! Никто еще не успел ничего понять, когда тело отставного военного летчика метнулось вперед и упало на катящуюся гранату. И за мгновение до того как боль вонзилась в тело, он успел подумать: «Спасибо тебе, Господи!!!»

Глава 1

Белое, перед глазами что-то белое. Белый потолок!?

Боль в груди, несильная, почти не беспокоит.

Слабость. Мысли путаются. Слышатся голоса, но слов не разобрать. Глаза закрываются. Сознание уходит.

Олег снова открыл глаза и посмотрел на потолок. Обыкновенный белый потолок.

«Значит, я жив, – подумал он. – Ерунда, я не должен быть живым. Это невозможно! И боль почти совсем ушла...»

Олег несколько раз отключался, то ли засыпал, то ли сознание уходило. Иногда он чувствовал присутствие рядом других людей, слышал их голоса. Кажется, ему делали уколы, давали пить.

Очередной раз Олег открыл глаза и снова увидел белый потолок. Он попробовал пошевелиться, и это ему удалось. Рука прошла по груди и животу, но никаких повязок или шрамов там не оказалось.

«Что это такое? Допустим, граната не взорвалась, я просто потерял сознание, поэтому на груди и животе нет шрамов. Так это что, я сомлел как институтка!?»

Покрутив головой, Олег осмотрел помещение, в котором находился. Несомненно, это была больничная палата, но она была довольно странной. Мысли в голове еще не приобрели ясность, поэтому Олег не сразу сообразил, в чем она заклю-

чалась.

Деревянные оконные рамы, деревянные табуреты, черная тарелка репродуктора, какие обычно показывали в старых фильмах.

«Раритет какой, как он только сохранился. Стоп. Вот что не так. Все выглядит как в старом кино. На тумбочке у кровати в белой металлической кювете лежат стеклянные шприцы. Давно нигде не используются многоразовые шприцы! Ретропалата, ощутите себя пациентом во времена строительства социализма. Бред».

Дверь открылась, в палату тихо вошла невысокая сухонькая старушка в белом халате с завязками на спине и белой косынке. Увидев, что Олег смотрит на нее, всплеснула руками и выскочила обратно за дверь.

Через некоторое время дверь снова открылась, в палату зашел мужчина лет 50 в таком же халате и белой шапочке, в очках, с небольшой бородкой клинышком.

– Так, молодой человек, как ваше самочувствие? – не дождавшись ответа, доктор, а это был, несомненно, доктор, спросил еще раз. – Вы меня слышите?

Ошеломленный Северов кивнул и прошептал:

– Нормально. Со мной все нормально. Где я?

– В больнице, товарищ летчик, где же еще? – удивился, в свою очередь, доктор.

К Северову начал потихоньку возвращаться голос, и он уже не прошептал, а прохрипел-просипел:

– Я вижу, что не в библиотеке! Что это за больница? Где она находится?

– Так-так! Очень любопытно!

Пока шла эта содержательная беседа, доктор проверил пульс, надел фонендоскоп и принялся прослушивать грудную клетку пациента.

– Прекрасно! Хрипов в легких почти нет, ты поправляешься!

– Что со мной? Как я здесь очутился?

Доктор озадаченно посмотрел на Северова.

– Любопытно! Значит, ты ничего не помнишь?

В мозгах наконец случилось очередное легкое прояснение, и Северов решил не торопить события. Надо подумать, проанализировать ситуацию, присмотреться.

Тем временем доктор тоже, видимо, решил не торопиться с выводами и спросил:

– Есть хочешь? Тебе бы не помешало подкрепиться.

Олег и в самом деле ощутил зверский голод.

– Да, очень хочу!

Доктор дал знак рукой кому-то в дверях, наверное, той самой старушке. Через некоторое время она появилась с чашкой горячего куриного бульона. Какой чудесный запах!

Доктор, мурлыча под нос что-то веселое, удалился, а Олег принялся за еду.

Старушка жалостливо на него смотрела, время от времени протирая ему рот салфеткой. Осилив бульон, Северов, наря-

ду с приятной тяжестью в животе (глазами готов был съесть ведро бульона, но насытился и чашкой), ощутил и сонливость. Если раньше это больше походило на беспамятство, то теперь это была именно сонливость.

– Поспи, милоч. Сон для тебя сейчас – лучшее лекарство.

С этими словами старушка удалилась, а Северов провалился в сон.

Пробуждение произошло, судя по положению Солнца и пению птиц, утром следующего дня. Не успел Северов толком проснуться, как, словно по волшебству, появилась та же старушка с тазиком и полотенцем.

– Давай-ка умываться, милоч! А потом будешь завтракать.

Протерев лицо и руки Олегу влажным полотенцем, она покормила его вкусной манной кашей на молоке. Манную кашу Олег не ел лет сорок, не любил ее никогда, но эта оказалась очень даже ничего! Пока старушка уносила посуду, Северов принялся анализировать ситуацию.

Выглядело все откровенным бредом. В живых он не должен был остаться, граната – не новогодняя петарда. Но он жив и, судя по состоянию тела, весьма здоров. Что-то здесь не так. Обстановка-ретро. Это, во-первых. В разговоре доктор называл Северова летчиком! Это, во-вторых. Откуда он может это знать? Хотя, если подумать, пенсионное удостоверение и документы из аэроклуба при нем были. А, обращение! Товарищ летчик! Кто же так станет сейчас говорить?

Дверь открылась, снова вошла старушка и принялась про-

тирать тряпкой тумбочки и подоконник. «Начнем с простого», – подумал Северов.

– Скажите, а какой сейчас день?

– Так пятница уже! Ты в беспамятстве пять дней лежал. Мы уж думали, не осилит организм твой, помрешь...

«Так, была боль в груди, хоть и несильная. Голова побаливала, но не как при ударе или контузии. А сейчас вообще не болит, при травме головы так не бывает. Значит, какая-то простуда с высокой температурой. Пневмония?»

– А у меня что, воспаление легких было?

– Было милок, было. Доктор говорил, что очень сильно простудился ты, в ледяной воде долго был.

Видя недоумение на лице Северова, старушка подошла поближе и присела на краешек кровати.

– Ты что же, и правда ничего не помнишь? Ребятишки на плоту катались, да развалился плот-то у них. В воде они оказались, а вода-то ледяная! Потонули бы, верно, так ты в воду бросился и вытащил их. За одним нырял долго, но вытащил! А сам ты, как приятели твои сказали, совсем недавно от хвори оправился. Организм уже ослаблен был, вот и заболел ты так тяжело.

«Ну и дела, – изумленно слушал Северов этот рассказ. – Значит, никакой гранаты не было, а была река, из которой я каких-то пацанов доставал! Я сошел с ума, сбрендил, крыша уехала. Так, вода холодная, вернее ледяная. Ну да, май, потеплело недавно. Вода, конечно, очень холодная. Вот только

откуда она в парке взялась?»

Северов провел рукой по подбородку. Странно, щетина, конечно, есть, но не то чтобы очень длинная. За пять дней должен зарости намного больше. Может, в беспамятстве щетина растет медленнее? Блин, ерунда какая, при чем здесь щетина! Тело, похоже, вообще не его!

– Бабушка, а как вас зовут?

– Марья Петровна я, можешь просто баба Марья звать. Санитаркой я здесь работаю.

И тут в голову Северова пришла гениальная мысль.

– Марья Петровна, а газеты мне можно почитать? За пять дней много чего произошло, наверное.

– Хорошо, милоч! – покладисто согласилась санитарка. – После обеда я тебе газет принесу.

На обед был куриный суп с клецками и пюре с вареным куриным мясом. И компот из сухофруктов!

После обеда снова потянуло в сон, и когда Олег проснулся, Марья Петровна принесла ему одежду – черные трусы и белую майку, а также небольшую пачку газет, и вышла. Северов неторопливо натянул трусы и не без внутреннего содрогания взял в руки газеты, уже примерно представляя, что он сейчас увидит.

Газета «Правда», пятница, 28 марта 1941 года.

Северов медленно встал и, преодолевая слабость, подошел к висящему у входной двери зеркалу. В зеркале перед ним предстал он сам, Северов Олег Андреевич, но на вид

ему было лет двадцать, может, немного больше. И тело было на загляденье. Мускулатура была даже внушительнее, чем была у Олега в таком же возрасте раньше. Горой мышц он никогда не был, но силу имел приличную. По крайней мере скрутить пальцами толстый гвоздь мог. На марш-бросках тащил свой груз да еще помогал товарищам. В общем, долгие тренировки и правильные методики давали отличный результат. Да и проведя на пенсии шесть лет, Олег нисколько не расплылся, старая форма по-прежнему сидела на нем как влитая. А это тело ощущалось по крайней мере не хуже!

Олег вернулся и опустился на кровать. Получается, что он каким-то образом оказался в прошлом. То ли в прошлом его мира, то ли параллельном. Историю Олег знал неплохо, но не настолько, чтобы по нескольким газетам определить, есть ли существенные отличия. Пока их не видно. Ломать голову над тем, как произошло его перемещение, смысла нет. Все равно ничего не придумаешь и не изменишь. Да и зачем менять? Он жив, скоро будет совсем здоров, моложе на добрые три десятка лет! Правда, через три месяца начнется самая страшная в истории человечества война, но он офицер, он присягал государству, которое сейчас есть и которое будет бороться за свое существование. Он летчик, значит, он снова на СВОЕМ месте! Ему дан шанс, дана новая жизнь. Да, могут убить, можно не дожить до Победы, но ведь он уже умер там, в мае 2015 года, и сделал это добровольно и осознанно, спасая жизнь других. Да какая разница, доживет до

Победы или нет. «Делай что должен, и будь что будет!» А что должен, подполковника Северова учить не надо!

Сердце стучало. Северов разволновался, как не волновался в минуту смертельной опасности. Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился. Счастлив ли он? Да, счастлив! И ни о чем не жалеет!

Снова зашла Марья Петровна.

– Уже ходишь! Смотри, аккуратнее, слаб еще. Скоро доктор придет, осмотрит тебя.

– Марья Петровна, а как доктора зовут?

– Аркадий Андреевич он.

Тем временем в палату зашел Аркадий Андреевич.

– Здравия желаю, товарищ доктор!

– Ну вот, начал в себя приходить!

Доктор снова прослушал и осмотрел Северова и остался доволен.

– Дело идет на поправку! Неделька больничного режима тебе, конечно, еще необходима. А потом можно будет потихоньку возвращаться к обычным нагрузкам. Но не усердствовать! Вы, батенька, у нас прекрасный гимнаст, но не рвитесь сразу нагружать себя на полную катушку. Понятно?

– Понятно, Аркадий Андреевич!

Все это время доктор держал в руках медицинскую карту, в которую иногда заглядывал, а Северов старался прочитать, что же на ней написано. Наконец ему это удалось, на карте значилось «Северов Олег Андреевич», а также «инструк-

тор Борисоглебской Краснознаменной военной авиационной школы имени В. П. Чкалова». Вот дела, зовут его так же, как и раньше. Уже легче!

А доктор, продолжая разглядывать пациента, говорил:

– Настраивайтесь, батенька, на прохождение медицинской комиссии, да-с! У вас была высоченная температура, вы без сознания лежали столько времени, так что комиссию придется проходить по всей строгости! А то еще угробитесь на своем «ишаке», а мы виноваты окажемся!

Вот это да! Сколько раз он примерял на себя различные ситуации из истории Великой Отечественной войны, и вот примерка становится реальностью. Опыт пилотирования у Северова был более чем приличный, налет в несколько тысяч часов и немалая часть из них за последние шесть лет на легких самолетах. Из авиапушки, правда, эти годы не стрелял, зато на службе в практике недостатка не было, помолотил из «ГШ-30-2» изрядно.

– Аркадий Андреевич, а мои сослуживцы в больницу заходят?

– Конечно, вчера заходили. Спрашивали, не очнулся ли ты. Я велел им передать, чтобы они завтра зашли.

– А заниматься мне можно? В смысле учебники читать? Если мне здесь еще неделю лежать, так лучше я готовиться буду к новому выпуску курсантов.

– Давление у тебя нормальное, температура тоже, голова не болит. Занимайся.

– Тогда попрошу ребят мне книги принести.

Остаток дня Олег провел в размышлениях о своей дальнейшей жизни. Ведь он носитель информации, которая может спасти много жизней и даже существенно изменить ход истории. Вот только как ее подать и кому. Написать письмо Сталину? Вот он сразу поверит, и будут они на пару государством рулить! Анонимно написать? Если бы Олегу до попадания кто такую историю бы рассказал, он бы поверил? Нет. Почему Сталин должен верить? Да, изложенные факты в свое время найдут подтверждение, но пока это случится. К тому же после подтверждения предсказаний его будут искать, да еще как! А когда найдут, что делать будут? Да закроют где-нибудь на веки вечные, чтобы не сболтнул ничего и никому, а то и в расход пустят!

Кстати, теорий по поводу перемещений во времени Олег знал несколько, хотя специально этим, естественно, не интересовался. Ну, с той, которая отвергает саму возможность перемещений во времени, все понятно. А вот с остальными... Если считать, что главную линию изменить нельзя, то что бы он ни делал, все останется как в его истории. Сомнительно и странно. С другой стороны, если изменения возможны, то будущее будет меняться, и в нем, возможно, уже не будет Олега Северова. Или будет, но совсем другой человек. А может быть, просто история пойдет по другой ветви.

Морочить себе голову размышлениями на эту тему Олег больше не стал. Все, что он читал, было в изложении писате-

лей в их книгах, а не в работах серьезных ученых-физиков. Посмотрим, что будет. В любом случае раз он здесь, то история уже как-то меняется. И даже если он «самоликвидируется» прямо сейчас, то неизвестно, к каким последствиям это приведет. Ведь тот человек, в теле которого он сейчас находится, тоже оказывает на историю свое влияние.

И вот еще что. Он по-прежнему Северов Олег Андреевич и даже очень похож на самого себя в таком же возрасте. Так кто он сейчас? Родной брат у деда был, но, во-первых, он точно не Северов, потому, что это дед по линии матери. Во-вторых, он был танкистом и погиб под Прохоровкой. Причем весной 1941 года он ни в каком военном училище еще не учился. Может, еще были какие родственники? Может, и были. По линии отца родня была многочисленной, но мало-знакомой. То есть Олег знал, что у отца двоюродных и троюродных и прочих братьев и сестер много. У деда и бабушки по линии отца было по шесть-семь братьев и сестер только родных. А сколько двоюродных и троюродных, неизвестно, просто много. И практически никого из них Олег не видел, даже на фотографиях. Отец после школы поступил в военное училище и связи с многочисленными родственниками почти не поддерживал. К тому же Олег был очень похож именно на деда по линии матери, а на отцовскую линию совсем не походил. В общем, все эти размышления к результату опять не привели, поэтому Олег решил дальше голову не ломать, все равно ни к чему это не приведет.

Подумать следовало о другом. Как его амнезия скажется на дальнейшей жизни. Был один человек, а стал другой, с другими привычками, навыками, знаниями. Можно забыть, как сослуживца или подопечного зовут, но если раньше любил одно, а теперь это терпеть не можешь, то это внятно объяснить уже сложнее.

Олег встал и подошел к зеркалу. Была у него в прошлой жизни особая примета – четыре родинки под левой лопаткой образовывали правильный ромб, пятая находилась точно на пересечении диагоналей. Рассматривать спину было не очень удобно, но сомневаться не приходилось, родинки на месте. И что это ему дает? Тут Северов подумал, что это просто здорово, что есть такая примета, воспроизвести которую нельзя. Ведь по ней его можно однозначно идентифицировать! Есть, правда, нюанс – наличие таких родинок у нынешнего Северова. Если они появились после «вселения», то это совсем плохо. Напрямую спрашивать нельзя, так что с этим придется разбираться позже. А пока надо осторожно расспрашивать у однокурсников про свои привычки и вообще прошлую жизнь.

Утро принесло новые ощущения. Олег, покопавшись в памяти, понял, что какие-то обрывки воспоминаний прежнего хозяина тела все-таки присутствуют. Видимо, вчера он был слишком взволнован, чтобы это заметить. По крайней мере, как зовут начальника школы, преподавателей и своих курсантов, он вроде вспомнил. А еще он вспомнил, что в про-

шлом, 1940 году, окончил Борисоглебскую военную авиационную школу и, как лучший выпускник, был оставлен в ней инструктором. До поступления в школу жил в детском доме, не мог, правда, вспомнить в каком. Это тоже можно было записать себе в плюс, видеть чужих людей и считать их своими родителями непросто.

Следовало также озаботиться разными бытовыми мелочами, о которых человек обычно не очень-то задумывается. Чистить зубы не «Колгейтом», а зубным порошком не проблема, пользоваться, пардон, газетами вместо туалетной бумаги тоже придется привыкнуть. А вот с бритьем посложнее. Электробритье тут, наверное, нет, да и безопасную тоже найти не так просто. Остается опасная бритва, а к ней еще привыкнуть надо. В прошлой жизни Олег как-то нашел у деда прекрасный «Кобар Золинген». Ею, конечно, давно никто не пользовался, но Северову захотелось попробовать. Изрезался, разумеется, довольно прилично, но правильно держать научился. Беспокоило его другое, после бритья Олег привык пользоваться кремом, кожа была чувствительной. Брызгать на щеки одеколоном он не мог, лицо сразу будет напоминать по цвету спелый помидор, да и ощущения не из приятных. Порывшись в тумбочке, Олег никаких мыльно-рыльных принадлежностей не обнаружил. Придется спрашивать у товарищей.

Утром после завтрака в палату осторожно зашли три молодых человека в наброшенных на плечи белых халатах.

– Привет, герой-спасатель!

– Здорово, орлы!

Ага, невысокого сероглазого крепыща зовут Тарас, похожий на жителя Средней Азии, а он таковым и является, Бахадур, но все зовут его Борисом. Третий Севастьян, Савоська. Все трое были лейтенантами, Севастьян и Борис инструкторы, как и Олег, а Тарас, успевший поучаствовать в зимней войне с финнами, преподаватель. По возрасту они его немного старше, но в неслужебной обстановке они общались на равных.

– Тебе, Олежа, надо было не в летчики, а в моряки идти, – сразу подначил Тарас. – Ты, говорят, такой класс плавания показал, что местные обзавидовались.

– Тогда уж прямо в подводники, я вроде бы еще и нырял! Все засмеялись, а Севастьян серьезно сказал:

– А вообще ты молодец! Знал ведь, что только после простуды, а все равно в ледяную воду полез.

– Давайте тему сменим, – попросил Олег. – Мне это купание и так боком выходит, еще медкомиссию проходить придется, так что хватит об этом.

Ребята рассказали, что к ним на днях заходил комиссар школы, Иван Пантелеевич, хвалил его, сказал, что Северов поступил как настоящий комсомолец и военнотруженик РККА. А чужая память подсказала, что Ивана Пантелеевича еще во время учебы расстраивала некоторая политическая пассивность Олега. Он старательно конспектировал

первоисточники – труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, всегда правильно отвечал на вопросы по истории партии большевиков, но речи на собраниях говорить не любил, а от должности комсорга группы сумел вежливо отказаться.

Олег стал осторожно расспрашивать товарищей о последних событиях в школе, курсанты, иногда перебивая друг друга, рассказывали, передали ему привет от другого инструктора, капитана Евгения Алексеевича Курдаева. Дружья говорили о нем, как о требовательном, но справедливом человеке, хорошем, в общем, мужике. А Северов вспомнил, что тот учил летать его самого.

Ребята принесли ему зубную щетку, порошок, мыло, помазок, бритву и одеколон. Когда они ушли, Северов отправился бриться. В умывальном помещении, к счастью, никого не было, так что его ужимки никто не видел. Порезался, естественно, но решил объяснить это нетвердостью руки после болезни, если спросят. А вот насчет чувствительности кожи переживал зря. У этого Северова она к такому обращению была привычной, так что просто смыл остатки мыла холодной водой, и все. Жизнь налаживается!

Все следующие дни были посвящены в основном чтению принесенной литературы. Объем информации был не так уж и велик, тем более что некоторые вещи Олег и так знал. А может быть, сыграло роль то, что предыдущий «владелец» тела не был чужеродной личностью и его знания и умения частично «встроились» в сознание Олега. Кроме того, Олегу

не терпелось приступить к тренировкам и «испытать» новое тело. Тем более что Аркадий Андреевич говорил, что Олег его удивил. Он очень быстро выздоравливал, восстановление организма шло просто рекордными темпами.

В течение недели друзья Олега заходили почти каждый день, хотя забот у них хватало. Из осторожных расспросов Олег выяснил, что прежний владелец этого тела, если так можно сказать о почти самом себе, по привычкам и предпочтениям от него почти не отличался. Даже девушек предпочитал того же типа, хотя как раз на общение с противоположным полом у них времени оставалось мало. Но это даже хорошо, а то пришлось бы еще и с подругой объясняться. Попробуй, объясни своей девушке, которой сам не помнишь чего наговорил, почему не узнаешь и как будто видишь впервые!

С привычками Олег вроде бы разобрался, больших сюрпризов по крайней мере быть не должно, личности во многом совпадают. Сложнее со знаниями и умениями, но и тут есть лазейка. Прежний Северов плотно занимался самообразованием, много читал. Немецкий, например, неплохо знал еще до поступления в школу, а здесь стал учить английский. Языки курсанту давались легко, так что некоторых успехов он достиг, а интерес свой объяснял расширением кругозора. Англичане то готовились бомбить СССР, то рассматривали как союзников, но знание их языка лишним руководство школы не посчитало. К тому же есть еще и американ-

цы, на том же языке разговаривают. Чужая память услужливо подсказала любопытную деталь. В каком именно детдоме воспитывался тот Северов, он не мог вспомнить, хоть убейся, но точно знал, что немецким с ним занимался настоящий немец, уехавший из Германии еще в 20-е годы, когда отношения между странами были приличными. В школе также было несколько немцев-детей, так что и прежний хозяин этого тела владел языком довольно свободно, не хуже нынешнего. Но располагался ли детдом в Поволжье, Олег сам так и не вспомнил. Северов также узнал, что к нему, из-за его довольно широкого кругозора, привычки много читать и успехов в учебе, в первый же месяц после поступления в школу приклеилась кличка «Профессор». На занятиях случалось ему даже озадачивать преподавателей своими вопросами.

«Молодец! – сам себя похвалил Северов. – Как будто специально «вселение» облегчил. А то было бы странно, если бы учился посредственно, а потом вылез из реки и стал весь такой умный».

Также заходили капитан Курдаев и начальник школы подполковник Туренко Евгений Георгиевич. О начальнике школы следует сказать отдельно. У курсантов он пользовался огромным уважением – Герой Советского Союза, боевой летчик, участник советско-финляндской войны 1939–1940 годов. Отцы-командиры справлялись о здоровье и выражали надежду на скорую выписку и возобновление обучения.

За неделю Северова смотрели несколько врачей, прове-

ряли рефлексы, зрение, слушали легкие, назначали анализы. Консультации устраивал Аркадий Андреевич, он по-прежнему удивлялся непривычно быстрому выздоровлению пациента. Тем не менее все доктора текущим состоянием его здоровья были вполне удовлетворены.

А еще Олегу удалось незаметно посмотреть свою медицинскую карту. Вечером, когда дежурная сестра отвлеклась, а дежурного врача куда-то вызвали, Северов проник в ординаторскую и быстро пролистал документы. Сама начинка его не интересовала, только личные данные. Узнал свою дату рождения, действительно двадцать лет, в этом году исполнится двадцать один.

Наконец в понедельник 7 апреля Северов был выписан. Марья Петровна принесла ему форму. Не без волнения Олег облачился в гимнастерку и бриджи, намотал портянки и натянул сапоги. Дополняли картину шинель с голубыми петлицами с одиноким рубиновым кубиком и зимний суконный шлем. Тепло попрощавшись с Марьей Петровной и Аркадием Андреевичем и пообещав им больше не болеть, Северов направился в сторону учебного заведения. Санитарка подробно объяснила ему дорогу, да и городок был невелик, заблудиться сложно. Стояла тихая солнечная весенняя погода, которая настроила молодого человека на философский лад. Он размышлял над своей дальнейшей судьбой – будущей службой, участием в войне, а также над более близкими делами – прохождением врачебно-летней комиссии.

Грядущей проверки здоровья Северов не опасался – судя по отзывам Аркадия Андреевича и по разговорам с курсантами и командирами, здоровье у Олега было отменное, никаких осложнений не наблюдалось. С работой инструктора было посложнее – все-таки Олег ни разу не летал на «И-16» и не стрелял из его бортового оружия. Придется попросить несколько полетов для восстановления навыков, но до выпуска всего ничего, его подопечные давно летают самостоятельно, а его задача – их действия на земле разбирать. Только тут тоже напортачить можно, ляпнуть что-нибудь не то. Тактику довоенных лет Олег себе представлял не очень хорошо. Так что приналег до выписки на принесенную литературу, освежал в памяти знания. Многое по ходу прочтения всплывало само, уже легче.

За этими размышлениями путь от районной больницы до школы прошел незаметно, и Олег не без некоторого волнения вступил под своды одного из самых знаменитых учебных заведений ВВС РККА – Борисоглебской Краснознаменной военной авиационной школы имени В. П. Чкалова.

Дальше события пошли значительно быстрее. Олег приступил к тренировкам. Упражнения на гимнастических снарядах дали неожиданный результат. В прошлой жизни Северов занимался на перекладине – подтягивание, подъем с переворотом, выход силы. В новой жизни Северов был, по рассказам сослуживцев, очень неплохим гимнастом, одним из лучших в учебном заведении. Объяснял это тем, что заня-

тия гимнастикой развивают вестибулярный аппарат, позволяют легче переносить перегрузки. Особое внимание уделял мышцам брюшного пресса, где-то вычитал, что это особенно помогает переносить перегрузки. Немалое внимание брюшному прессу уделял и прежний Северов. Выполнение упражнений на брусьях и перекладине также получалось неплохо. Сначала Олег осторожничал, но дело шло быстро, тело словно само вспоминало прежние навыки.

В прошлой жизни Олег не оставил занятия рукопашным боем, хотя излишне не усердствовал, не десантник все-таки. Наложение личностей двух Северовых, пусть и с явным доминированием Северова из будущего, привело к тому, что он сейчас осваивал (или вспоминал?) навыки рукопашного боя с какой-то космической скоростью. Тело отзывалось на попытку воспроизведения движений так, словно Олег сделал не десять повторений, а тысячу. Гадать над этим феноменом он не стал, а решил через месяц предложить учебный поединок одному из командиров (только бы не ляпнуть «офицеров», здесь это до 1943 года будет не принято), который увлекался самбо и считался серьезным рукопашником.

Для прохождения врачебно-лётной комиссии пришлось ехать в Воронеж. К счастью, туда же по делам на «У-2» летел один из коллег, который и взял Олега с собой. Как Северов и ожидал, комиссию он прошел без проблем. Доктора признали его годным без ограничений, здоровье у него действительно было отменное, а на то, что он не все помнит, Олег

комиссии не жаловался. Теперь можно было приступить к полетам!

Поскольку перерыв в полетах был приличный, то Северов попросил вывозной полет на спарке «УТИ-4». Тут Олег еще раз убедился, что память прежнего хозяина частично присутствует. По крайней мере органы управления он находил быстро, руки сами ложились на нужные ручки и переключатели. Олег быстро разобрался с особенностями управления самолетом – сказался приличный налет на спортивных «Яках» и «Су» в прошлой жизни. Он также вспомнил слова, вычитанные в мемуарах военного летчика, начинавшего именно на «И-16». Тот написал, что летчик, уверенно освоивший «ишака», с легкостью справится с любым другим типом истребителя. Хотя повозиться пришлось, все-таки «И-16» по удобству управления ни в какое сравнение со спортивными самолетами начала 21 века не идет, но ничего, справился. После этого Северов с изрядной долей уверенности в себе приступил к тренировочным полетам. Сложнее оказалось со стрельбой по конусу, но и тут сориентировался, опять опыт прежнего владельца тела помог, так что к концу апреля Северов чувствовал себя в кабине «И-16» уверенно.

На праздновании 1 Мая на самом ближнем к городу аэродроме было решено устроить небольшое воздушное шоу – пролет эскадрильи с красными лентами (как сказали бы в 21 веке – баннерами) с изображением вождей мирового пролетариата, построение воздушных фигур из самолетов, пило-

таж. Вот в группу пилотажников Туренко и решил включить Северова, о чем и сообщил ему за 10 дней до праздника. Впрочем, по времени выступление Олега было довольно коротким, и они с Туренко быстро пришли к соглашению, какую именно программу надо показать.

Все шло очень хорошо, но 29 апреля в школу неожиданно приехал генерал-лейтенант Павел Федорович Жигарев, первый заместитель начальника Главного управления ВВС РККА. Какие причины привели первого заместителя начальника ГУ ВВС РККА в тот день на аэродром, можно только гадать. Но вот пилотаж Северова он увидел и заинтересовался.

– Это кто у тебя, Евгений Георгиевич, такие фигуры крутит? – удивился генерал.

– Северов. Хороший парень, наш выпускник, инструктором оставлен в школе.

– Северов? А ну-ка давай его после полета ко мне.

Когда довольный Северов зарулил на стоянку, ему было велено немедленно прибыть на КП. Увидев незнакомого генерала (в лицо Жигарева он не знал), Олег быстро сориентировался и доложил:

– Товарищ генерал-лейтенант, младший лейтенант Северов по вашему приказанию прибыл!

Жигарев с интересом рассматривал прибывшего молодого летчика.

– Скажи-ка, Северов, рапорт на перевод ты подавал?

Олег хоть тресни не мог вспомнить, что за рапорт, но на

всякий случай согласился.

– А ты как думаешь, навыков хватит, чтобы с настоящим врагом сражаться? Это тебе не курсантов учить!

На это Северов рассудительно ответил, что если у его выпускников такие навыки есть, так у него тем более найдутся. На самом деле подготовка у ребят была не так уж и хороша. Из-за высокой аварийности большое внимание уделялось взлету и посадке, элементам, где бились чаще всего. А на, собственно, воздушный бой времени оставалось не так много, как следовало бы.

Туренко сказал, что Северов прекрасно стреляет по конусу и занимается гимнастикой с целью тренировки выносливости и вестибулярного аппарата, а также не только хорошо пилотирует, но и занимается теорией.

Какое-то время Жигарев раздумывал, а потом подозвал одного из приехавших с ним командиров:

– Иван Васильевич! Размяться не хочешь?

– Всегда хочу! – засмеялся высокий майор с двумя орденами Красного Знамени на гимнастерке.

– Тогда проводи с младшим лейтенантом воздушный бой.

Два «ишачка» набрали три тысячи метров высоты и разошлись в разные стороны. Майор ожидал, что молодой летчик сразу кинется в атаку, но Северов решил проявить осторожность и присмотреться к манере пилотирования своего противника. Наконец, майор сам решился на атаку. Он имел большой опыт: участвовал в боях в Испании, на реке Хал-

хин-Гол, в конфликте с белофиннами, так что в победе над недавним курсантом не сомневался. Однако Северов оказался трудной добычей. Оказаться сзади самолета Северова майор смог, но зайти в хвост на дистанцию открытия огня – нет. «Ишачок» Олега никак не хотел фиксироваться в прицеле, а когда майору удалось сблизиться и он уже считал, что победил, Северов выполнил размазанную бочку и сам оказался у него в хвосте. Противник к такому готов не был, не знали еще такого оборонительного маневра в 1941 году, и пока Иван Васильевич сориентировался, куда подевался Северов, он был «условно сбит».

Олег вылез из самолета мокрый, как мышь. Подошел майор и, стянув шлем, вытер потный лоб.

– Ну ты даешь! Что это было в конце? Как ты вывернулся!?

Не успел Северов ответить, как к ним подошел Жигарев.

– Удивил ты меня, младший лейтенант! По-хорошему удивил! – И тут же прищурился: – Парень ты симпатичный, небось от девушек отбоя нет. Жениться не собираешься?

Руководство ВВС РККА убедило Сталина, что для повышения боеготовности авиации необходимо присваивать выпускникам летных школ не лейтенантские звания, а сержантские. Это давало возможность держать молодых летчиков на казарменном положении и повысить общий уровень дисциплины. Правда, сами выпускники отреагировали на нововведение нерадостно. По крайней мере новые проблемы с дис-

циplinой это принесло, некоторые стали пить, нести службу спустя рукава. Так что вопрос Жигарева был не случаен.

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант! И в мыслях не было! Да и не до того мне, на общение с девушками времени не остается.

Жигарев одобрительно кивнул.

– Вот что, Евгений Георгиевич, – обратился он к Туренко, – рапорт о переводе решено удовлетворить. Фамилию услышал, вот и вспомнил, так что ждите, скоро бумага придет.

– Жаль, конечно, – вздохнул начальник школы. – Но я такое желание понимаю.

И обратился к Северову:

– Школа сделала тебя пилотом. Полк сделает летчиком. Истребителем можешь стать только сам!

– Запомни эти слова, парень! Желаю тебе стать истребителем! – Генерал крепко пожал Олегу руку, хлопнул по плечу и зашагал в сторону КДП.

В тот же день вечером Жигарев улетел обратно в Москву.

В честь праздника 1 Мая в городах, где стояли воинские части, проводился парад. Утром Северов с другими участниками полетов уехал на аэродром, а преподаватели и курсанты промаршировали перед трибуной, на которой разместилось руководство города. Затем был воздушный праздник, Олег показал свою программу, а его питомцы демонстрировали групповой пилотаж. По окончании праздника курсанты

получили увольнительные до вечера, Северов с товарищами тоже решили прогуляться.

Ребята не спеша шли по городскому парку на берегу Вороны, обмениваясь впечатлениями о воздушном празднике, когда слышали за кустами какую-то возню.

– Отпусти руку! Пусти, говорю! Помогите! – Девушка явно отбивалась от кого-то. В ответ послышался смех нескольких парней.

Продравшись сквозь кусты, летчики увидели двух девушек в окружении восьми оболтусов лет 20–25.

В предвоенные годы авторитет человека в форме был очень высок, еще учась в школе, Олег читал книгу про генерала Петрова, написанную товарищем его сына. Тот вспоминал, как, поступив перед войной в военное училище, впервые вышел в увольнительную. В трамвае схватили парня, обвиняли его в том, что он пытался вытащить у женщины кошелек. Тот говорил, что ничего подобного не делал и что военный все видел. И курсант, семнадцатилетний парень, почувствовал, что от его слова зависит судьба этого человека, что будет так, как он скажет. Тот курсант сказал, что не видел попытки вытащить кошелек и парня отпустили.

И вот сейчас появление сразу четырех военных явно спутало гопникам карты. Задираться с военнослужащими было опасно даже при численном превосходстве. Тут сквозь кусты проломилось еще несколько человек, в том числе два милиционера. Один из них, пожилой старшина, оглядев открыв-

шуюся картину, с усмешкой произнес:

— Значит, Гнутый, спокойно жить ты не можешь! Всё твоя кодла приключений ищет.

— Да мы что, мы ничего! Извиняйте, гражданин начальник, пойдем мы.

Гопота, косясь на военных и милиционеров, удалилась, а летчики наконец рассмотрели девушек. Они были примерно одного возраста с ними, может, чуть моложе, и тоже с интересом рассматривали ребят. Одна из них, бойкая русоволосая девушка, вдруг рассмеялась:

— Что, так и будем друг друга молча разглядывать? Меня Зина зовут, а это Галя.

Ребята тоже представились, после чего предложили проводить девушек к выходу из парка. Тарас, с явным интересом разглядывающий крупную Зину, предложил сходить в кино. Шла лента «Мужество» с актером Олегом Жаковым в главной роли, между прочим, про летчиков. Сверкающий белозубой улыбкой Борис подал руку миниатюрной Гале, и компания направилась в сторону кинотеатра.

Когда все вернулись в расположение, лица у Тараса и Бориса были мечтательные, Севастьян над ними беззлобно посмеивался.

После праздника жизнь в школе пошла своим чередом. Олег продолжил тренировки, бегал по утрам, качал пресс, занимался гимнастикой и т. д. Продолжались и занятия с подопечными курсантами. Удалось провести и поединок

со старшим лейтенантом Задорожным, владевшим самбо на неплохом уровне. Северову приходилось осторожничать, чтобы не травмировать старлея – никаких средств защиты, естественно, не было. С Северовым-гимнастом Задорожный, безусловно, справился бы. Но с Северовым из 21 века, с его опытом и многими годами тренировок, все оказалось сложнее. А Северову надо было оценить свои навыки в поединке с настоящим умелым противником, и он убедился, что при необходимости постоять за себя сумеет.

Наконец 12 мая на утреннем построении был объявлен приказ нового начальника ГУВВС РККА генерал-лейтенанта Жигарева о переводе младшего лейтенанта Северова в распоряжение начальника ВВС Киевского особого военного округа генерал-лейтенанта Птухина. Кроме того, ему был предоставлен отпуск.

Весь следующий день был потрачен на оформление необходимых документов и прочую беготню.

Утром 14 мая Олег попрощался с друзьями, начальником школы, преподавателями и курсантами и отправился на вокзал. Сначала Северов хотел от отпуска отказаться. Никаких родственников у него нет, куда ехать? Да и начало войны не за горами. Но Туренко убедил его в обратном.

– Отпуск положен, значит, надо использовать. Служба в полку начнется, не до отдыха будет. Опять же неизвестно, как сложится дальше обстановка, ты же к западной границе едешь. А куда в отпуске податься, могу подсказать. Ты в

Крым был?

В Крыму новый Северов не был.

– Вот и отлично! Я в прошлом году отдыхал в Алуште. Записывай адрес и поезжай, не пожалеешь! Сейчас, правда, вода еще не очень, не июль месяц, но зато все цветет и пахнет. Позагораешь, а может, и покупаешься.

Северов подумал, что Туренко прав. Ну придет он к месту службы раньше, и что? Придумает, как Германию победить? Самолеты станут лучше, летчики опытнее, командиры мудрее? Он не в состоянии ничего принципиально изменить, он может только вместе со своей страной биться с врагом, внести свой вклад в общую Победу. Так что адрес Северов взял.

На вокзале Олег еще раз посмотрел на себя в большое зеркало. Начищенные хромовые сапоги, темно-синие бриджи с голубым кантом и гимнастерка с голубыми петлицами, в которых расположены эмблемы-крылышки и по одному эмалевому кубарю. На левом рукаве также нарукавный знак с крылышками, на обоих рукавах – по одному узкому угольнику из золотого галуна на просвете из красного сукна. Портупея. Темно-синяя пилотка с голубым кантом. Кожаная полевая сумка-планшет. Красавец!

Подхватив чемодан со своими немногочисленными вещами, Олег в прекрасном настроении направился на посадку.

Глава 2

Северову было положено путешествовать в купейном вагоне, так что переезд до Новороссийска прошел с комфортом. До Алушты Олег добрался небольшим теплоходом, завернувшим туда по пути в Севастополь. По адресу, данному Туренко, находился небольшой чистенький домик в паре минут ходьбы до моря. Хозяйку звали Ирина Павловна, это была небольшая сухонькая старушка, удивительно похожая на Марию Петровну – санитарку из Борисоглебской больницы. Северов даже поинтересовался, нет ли у нее в Борисоглебске родственников. Оказалось, что нет.

Хотя была всего лишь вторая половина мая, вода оказалась не очень холодной, градусов шестнадцать-восемнадцать. Северов купался в охотку, немного являя образец кондового северного мужика, которому и льдины нипочем. Затем с удовольствием грелся на солнце. Для посещения пляжа Олег купил темно-синие плавки (BBC!), но обнаружил, что на том участке берега, который он облюбовал для отдыха, людей практически нет. Довольно далеко, в нескольких сотнях метров можно было заметить таких же одиноких отдыхающих или небольшие, два-три человека, компании. То ли хватало других мест, то ли был еще не сезон. Впрочем, если бы народу на пляже было много, Олег поискал бы место потише. Толпу он не любил, толпа напрягала, а в таком

тихом месте можно было расслабиться.

Ближайшими соседками Северова были две молодые женщины, судя по белой коже, откуда-то с севера. Ближайшими – это сильно сказано, до них было не менее ста метров, поэтому разнежившийся Северов не сразу сообразил, что соседки купальниками не замораживаются. Через некоторое время Олег заметил, что девушки переместились чуть дальше, укрывшись за небольшой каменной россыпью. Летчик усмехнулся, специально заводить курортных романов он не собирался, хотя если случай представится...

Случай представился. Буквально на второй день своего пляжного отдыха, когда солнце уже клонилось к закату, Олег вдруг заметил, что одна из девушек вдруг забарахталась в воде. Видимо, свело судорогой ногу. Летчик быстро подбежал по пляжу поближе к незадачливой пловчихе и, бросившись в воду, несколькими мощными гребками доплыл до нее, бесцеремонно подхватил потенциальную утопленницу под мышку и потащил к берегу, благо до него было совсем недалеко. А потом подхватил на руки и понес к ее вещам. Подругу спасенной девушки так разморило на солнце, что она заметила Северова только тогда, когда он со своей ношей подошел прямо к их вещам. Она схватила платье и прикрылась им, глядя на них испуганными глазами. Олег усадил девушку на покрывало и спросил:

– С вами все в порядке?

Девушка энергично закивала.

– Точно? Моя помощь больше не нужна?

– Нет, нет. Большое спасибо!

– Если что, я буду вон там.

Он несколько мгновений разглядывал спасенную, затем повернулся и пошел к своим вещам. Девушка, а правильнее, молодая женщина, была стройной, русоволосой, сероглазой, лет двадцать пять на вид. Судя по состоянию живота, детей у нее еще не было.

Часа через полтора, когда Северов уже оделся, сбоку слышались легкие шаги.

– Я хотела еще раз поблагодарить за помощь. Чуть не утонула...

– Вода еще довольно холодная, всякое бывает, – поддержал разговор Олег.

– Даже не знаю, как такое получилось. Я ведь из Ленинграда, у нас там вода все лето немногим теплее и ничего. А тут... Еще раз спасибо.

Девушка Северову понравилась, разговорились. Ее звали Анна, ей действительно двадцать пять лет. Она работала на одном из ленинградских заводов после окончания техникума. Уже три года вдова – муж погиб на озере Хасан в 1938 году, детей они завести не успели. Снимала комнату она с подругой недалеко от домика, где остановился Олег, так что обратно с пляжа они шли вместе.

Вся следующая неделя пролетела в кружении чувств и страсти. Подруга Анны уходила на их прежнее место, а они

уходили подальше, где люди почти не появлялись. Купались, загорали... Северов не был уверен, что Аня знает, кто такие нудисты, поэтому осторожно поинтересовался про отсутствие купальника. Аня ответила, что рядом все равно никого нет. Дома она тоже загорала и купалась, где людей мало, вот купальник и не нужен. Северов был не против такого здорового подхода. Весна, крымская чудесная погода, присутствие рядом красивой и ласковой молодой женщины привели его в приподнятое настроение. Ощущение, что все прекрасно, мгновенно испортила мысль о том, что Аня из Ленинграда. Города, который уже через полгода узнает, что такое блокада. И шансов пережить ее у Ани не так много. И здесь, в Крыму, через год будут немцы, и выживет ли добрейшая Ирина Павловна, неизвестно. А он, военный летчик и обладатель всего этого знания, ничего с этим поделать не может. Аня уловила смену настроения Северова и подумала, что это из-за нее. Но Олег уже справился с собой и задумчиво произнес:

– Ты ведь понимаешь, что скоро может начаться большая война?

– Ты что-то знаешь?

– Аня, я младший лейтенант, а не маршал! Это просто здравый смысл. Ленинград находится очень близко от границ, поэтому бомбить его будут очень сильно. Если ваше предприятие будут эвакуировать, непременно уезжай! Обещай мне!

Аня смотрела с удивлением и страхом:

– Ты все-таки что-то знаешь!

– Ну да! В Кремль вызывали и специально рассказывали! Я военный человек, командир, меня учили анализировать ситуацию. Я говорю о том, что может быть, а не о том, что обязательно будет.

– Но ведь наша армия...

– Аня, я лучше знаю, что собой представляет наша армия. Товарищ Сталин специально всеми силами оттягивает начало войны, чтобы армия успела перевооружиться. А наши враги стремятся этого не допустить. Это же просто и понятно. Еще раз повторяю, если война начнется, уезжай в эвакуацию! Обещай мне!

– Хорошо-хорошо, обещаю!

Аня надела платье и обернулась к Олегу:

– Пойдем, мне еще собраться надо. Скоро ехать, отпуск заканчивается.

Она не просила Северова писать, не стала давать ему свой адрес. Умная женщина, она понимала, что будущего у них нет и не может быть. Разница в возрасте, а он еще даже не знает, где именно придется служить. У них просто курортный роман, но она ни о чем не жалеет. Это была самая лучшая неделя в ее жизни. «А может, и в моей», – подумал Северов.

Перед расставанием Аня задумчиво сказала:

– Иногда мне кажется, что ты старше меня и что я у тебя

далеко не первая, хотя ты точно не бабник.

Прижалась к нему и сказала:

– Прощай, провожать не надо.

Аня ушла, а Северов пошел собирать свои нехитрые вещи – завтра он тоже уезжал.

Рано утром, когда Северов прощался с Ириной Павловной, к ней постучался новый жилец – капитан-летчик бомбардировочной авиации с женой и маленьким сыном. Узнав, что Северов получил назначение в КОВО, посоветовал ехать в Севастополь:

– На аэродроме скажешь, что от капитана Каргина, тебя ребята на борт до Киева устроят. Самолеты туда часто летают, долго ждать не придется.

Капитан не обманул, Северов добрался до аэродрома около обеда и уже через пару часов вылетел в Киев на «ПС-84». До Киева добрались уже вечером, поэтому Северов переночевал на аэродроме, на диване в пустом домике для дежурной смены несуществующего пока полка ПВО. А утром прибыл, как предписано, в штаб округа за назначением.

На удивление Олега принял сам Птухин, который почитал бумаги и принялся расспрашивать, как получилось, что его вдруг перевели, летные школы с кадрами расстаются неохотно. Северов честно сказал, что ему ничего особо не объяснили, но, может быть, это потому, что он выиграл воздушный бой у майора, фамилии которого он не знает, только имя-отчество – Иван Васильевич.

Птухин призадумался, может, знал этого майора. Потом хлопнул рукой по столу:

– В общем, так! Служить будешь в 64-й авиадивизии, в 12-м истребительном авиаполку. Он базируется на аэродроме Боушев вблизи Станислава. Думаю, командир полка Герой Советского Союза майор Коробков Павел Терентьевич твои таланты оценит!

До аэродрома удалось добраться на машине, везущей из штаба какие-то тюки, и даже с попутчиком до самого Боушева, младшим политруком, оказавшимся на проверку новым полковым особистом. Миша Ногтев оказался не очень разговорчив, просто сказал, что назначен для дальнейшего прохождения службы в 12-й ИАП. Северову он понравился, чувствовались в нем спокойная уверенность и солидность, что не очень характерно для молодого человека лет двадцати двух – двадцати трех. Вскоре они забрались в старый «ТБ-3», который кряхтя взлетел и неспешно направился в Станислав с грузом запчастей для базирующихся там истребителей.

Город Станислав был довольно крупным городом, областным центром, имел около 200 тыс. населения, примерно 60 % населения составляли поляки, остальные в основном украинцы и евреи. Имелась также и довольно многочисленная армянская община.

Аэродром был расположен за южной окраиной города. На нем базировалось 66 истребителей «И-16» и «И-153» 12-го истребительного авиаполка. Пилотов было пока значительно

меньше.

На аэродром «ТБ-3» приземлился уже в сумерках, поэтому Северов переночевал в полупустой казарме, а Миша пошел знакомиться с сослуживцами по особому отделу.

Наступило утро 30 мая, сияющий как медный пятак младший лейтенант Северов направился в штаб полка представляться майору Павлу Терентьевичу Коробкову. Герою Советского Союза, участнику боев против японских милитаристов на реке Халхин-Гол в 1939 году, похода советских войск в Западную Белоруссию 1939 года и советско-финской войны 1939–1940 годов.

Павел Терентьевич, серьезный черноволосый мужчина лет тридцати, внимательно изучив документы новоприбывшего летчика, небрежно бросил бумаги на стол и принялся разглядывать их обладателя.

– А скажи-ка мне, молодой да красивый, в школе тебе чего не сиделось?

– Я боевым летчиком стать хочу, а не инструктором всю жизнь оставаться, – попытался объяснить Северов. – Будет боевой опыт, можно его передавать. А сейчас мне что там делать?

– И как же так получилось, что тебя взяли и отпустили, такого перспективного?

– Почему отпустили, могу объяснить, – разозлился Северов, командир подозревает, что с его переводом в полк дело нечисто. – А могу и показать, если, конечно, посмотреть

хотите!

– О как! Ну ты нахал! Но бить тебя я не буду.

И обратился к дежурному:

– Найди-ка мне командира первой эскадрильи!

– А бить меня вряд ли получится! – усмехнулся, в свою очередь, Северов.

В кабинет командира полка вошел крепкий светловолосый старший лейтенант:

– Вызывали, товарищ командир?

– Да, Василий! Вот прислали к нам из Борисоглебска целого младшего лейтенанта, грозу воздуха!

Северов хмыкнул, а комэск-1 удивленно спросил:

– После летных школ вроде сержантов дают?

– Вот-вот! Он там инструктором работал. Так что давай, проверь этого гения в воздухе.

Олега привели к новенькому зеленому «ишачку» без кока винта, в котором он определил тип 28 с двигателем «М-63». Двигатель отличался большей, чем «М-25», мощностью, но меньшей надежностью. А вот вооружение из двух 20-мм пушек «ШВАК» и двух 7.62-мм пулеметов «ШКАС» не могло не радовать.

– Принимай аппарат, – сказал комэск-1 и ушел к своему самолету, а к Северову подошел старшина лет под сорок, с седеющим ежиком когда-то черных волос и шикарными бугорчатыми усами.

– Старшина Новоселов Алексей Михайлович, можно про-

сто Михалыч. Механик этого самолета.

– Младший лейтенант Северов Олег Андреевич.

Механик Северову понравился. Спокойный, рассудительный мужик. Видно, что добродушный, но с хитринкой. Наверняка в меру куркулистый, знающий себе цену. А Михалыч тем временем рассказывал:

– Аппарат в порядке. Все проверено, его заместитель командира полка капитан Червоненко сам облетал, хотел себе взять, да передумал. Говорит, к своему прежнему привык, а у этого вроде как движок ненадежный. А что в нем ненадежного? Я его с этими двумя обалдуями, – старшина показал на двух подошедших младших сержантов, – отрегулировал, проверил. Работает как часы!

Сержанты смиренно стояли в стороне, разглядывая нового летчика, но вид у них был очень шкодливый. Парням было лет по двадцать с небольшим, довольно высокие, жилистые, чем-то похожие друг на друга. Один из них открыл было рот, чтобы что-то сказать, но второй ткнул его локтем в бок, а Михалыч показал кулак. Северов хмыкнул и полез осматривать аппарат. Самолет ему понравился. Технику Олег чувствовал, как опытный конник чувствует характер лошади. После стандартной проверки он обошел вокруг истребителя, погладил «ишачка» по обшивке, прошептал несколько приятных слов, улыбнулся чувству, что самолет тоже ему рад и хочет скорее подняться в небо. Краем глаза поймал одобрителный взгляд старшины, видимо, Олег ему тоже понравил-

ся.

Наконец от самолета комэска-1 замахали руками, Северов надел поданный Михалычем новенький летный шлем и снова полез в кабину.

Олег взлетел легко, мотор тянул, самолет великолепно слушался рулей.

Заняв высоту 3500 метров, истребители разошлись в разные стороны и начали воздушный бой. Старший лейтенант был опытным пилотом, судя по ордену Красной Звезды, имел боевой опыт, но чтобы победить Северова, этого оказалось мало. На стороне Олега был не только немалый опыт пилотирования, но и известный на начало 21 века опыт воздушных боев, которого не имели пилоты 1941 года. А также великолепная выносливость и мощный мотор. Сесть себе на хвост Северов не дал. Видя, что противник использует виражи, стал работать на вертикалях, имея в виду также более мощный двигатель своего самолета. Олег его просто «перелетал», зашел, наконец, в хвост и не дал себя сбросить, хотя старший лейтенант очень старался.

Олег сел следом и вылез из самолета. На стоящего неподалеку комэска-1 больно было смотреть, однако Михалыч имел очень довольный вид, а сержантов прямо распирало от избытка чувств. К штабу начали подтягиваться летчики и прочий аэродромный люд. Подошел капитан лет тридцати пяти, габаритами и лицом похожий на известного Олегу по прошлой жизни Владимира Турчинского по прозвищу Динамит.

Он имел немного оттопыренные уши и волосами был не так богат – коротенький ежик. С ним пришел худощавый жилистый старший лейтенант лет тридцати. По их движениям Северов предположил, что они рукопашники весьма высокого класса, так что скорее всего не летчики.

Тем временем комэск-1 подошел к Коробкову и стал что-то ему говорить, время от времени размахивая руками. Северов подошел поближе и стал ждать, когда командир полка сам его позовет. При его приближении комэск-1 развернулся к нему лицом и прекратил свой монолог, молча стоял и злобно смотрел на Олега.

– Подойди, чего там встал! В первую эскадрилью ты теперь не пойдешь!

– А дайте его мне, – попросил капитан лет тридцати, стройный блондин весьма аристократического вида.

– Бери! Младший лейтенант Северов, вы назначаетесь в третью эскадрилью!

И, не дожидаясь ответа, Коробков ушел в штаб, видимо, сильно переживал за Васю. Тот поплелся следом.

– Я комэск-3 капитан Ларионов Игорь Васильевич, – представился блондин. Его рукопожатие было крепким, а улыбка искренней.

– Северов Олег Андреевич.

– Завтракал?

Узнав, что Северов не завтракал и еще не разместился, Ларионов показал ему место в домике командного состава.

ва (летчики, имеющие выслугу менее четырех лет, согласно приказу НКО № 0362 от 22 декабря 1940 г., жили рядом в казарме) и повел Олега в столовую.

В эскадрилье должно было быть пять трехсамолетных звеньев, но из-за недостатка летчиков звеньев было три. Не успели они получить свой завтрак, состоящий из макарон с мясом и какао с булочкой, как к ним за столик присели замеченные Северовым ранее капитан и старший лейтенант. Познакомились.

Здоровяка капитана звали Олегом Петровичем Булочкин-ым, он был командиром БАО. Старлей назвался Денисом Авериным, командиром роты охраны.

– Скажи-ка, что ты имел в виду, когда сказал, что бить тебя вряд ли получится? – вдруг спросил Булочкин.

Пришлось сказать, что за себя он постоять сумеет, занимался рукопашкой довольно серьезно, можно сказать с душой.

– Мы тут тоже... хм... занимаемся понемногу. Подходи, если хочешь.

И тут Северов, неожиданно для себя, сделал маленькое открытие. Сидел бы да ел, так вздумалось макароны похвалить, люблю, мол, макароны по-флотски. Сидящие рядом уставились на него, как будто он на китайском заговорил, потом Булочкин поинтересовался:

– Ты что, на флоте служил? Когда успел-то?

Олег, что называется, подзавис. Пришлось наплести про

знакомого, который на флоте служил и макарон с мясом так называл, дескать, как на флоте. Никто из присутствующих по морям не ходил, так что похмыкали, и все. А ведь еще в ранней молодости Северов читал у Пикуля в романе «Моонзунд», как из-за этих самых макарон, вернее, перловой каши вместо них, на Балтийском флоте случился бунт. И вот такая история получилась, блюдо есть, а названия привычного пока нет. Не ляпнуть бы еще чего, хотя как тут угадаешь.

Третья эскадрилья уже позавтракала и ждала командира около стоянки самолетов. Ларионов представил подчиненным нового летчика и сказал, что тот назначается к нему вторым ведомым. После этого отправил всех в тактический класс на плановое политзанятие, а Северова послал на склад за летным обмундированием и прочим положенным пилоту имуществом.

Где находится склад, Северов еще не знал, но рядом оказались знакомые сержанты-техники. Они и вызвались его проводить, заодно помочь дотащить вещи обратно в его комнату. Ребята назвались Глазычевым Андреем и Шведовым Павлом. Паша оказался очень словоохотливым и поведал, что комэск-1 Вася мужик неплохой, но последнее время зазнался, считал себя самым крутым летчиком после комполка, а тут такой облом. И от кого – зеленого новичка, можно сказать, вчерашнего курсанта! Комэск-3 Ларионов – хороший летчик и справедливый командир и, хотя официально числится сиротой, поговаривают, что дворянского рода,

родители его в гражданскую то ли погибли, то ли его потеряли в той кутерьме. Так что красноармейцы сдали маленького Игоря в детдом, где он и вырос. Капитан Булочкин и старший лейтенант Аверин раньше служили то ли в военной разведке, то ли еще где, но точно не на кабинетной работе. И вышел у Булочкина конфликт с кем-то из большого начальства, отчего он оказался командиром БАО их полка. Вскоре к ним перешел и его бывший подчиненный Аверин. Петрович жутко хозяйственный мужик, у него всегда все есть, а интенданты его боятся как огня – за растрату или порчу имущества вывернет наизнанку. У обоих есть боевой опыт – Хасан, Халхин-Гол, финская. Имеют награды. У Петровича Красная Звезда и «XX лет РККА», у Дениса медаль «За отвагу», ну это Олег и сам видел. Роту охраны гоняют сами, теперь это настоящее противодиверсионное подразделение. В ней все старослужащие с реальным боевым опытом, их Петрович с Денисом сами собирали чуть ли не по отдельному человеку. Коробков этому не препятствовал, все-таки они стоят на территории, которая еще недавно была чужой. Националистов и прочих бандитов хватает. Инженер полка военинженер 3-го ранга Берг Яков Карлович в авиационной технике царь и бог, раньше он работал в каком-то КБ, его даже Михалыч очень уважает.

За этими разговорами они подошли наконец к складам. Северов выложил свой вещевой аттестат и получил летний полетный комбинезон, перчатки и даже пальто-реглан. Воз-

вращаясь к домику, Олег встретил военинженера 3-го ранга, худощавого черноволосого мужчину лет тридцати пяти – сорока. Сержанты его представили как того самого Якова Карловича Берга, самого лучшего авиаинженера всех времен и народов.

Поскольку время наступило обеденное, все вместе направились в столовую. По пути Берг сказал, что командир БАО капитан Булочкин совершенно уникальный человек. В хозяйстве у него идеальный порядок, а питание личного состава налажено просто великолепно. С этим нельзя было не согласиться, кормили вкусно и разнообразно. Берг также рассказал Олегу, что поработал в КБ у Поликарпова и в Перми, у Швецова, а в войсках он недавно, с начала 41-го года. Яков Карлович посетовал, что квалификация многих техников невысока, из-за чего моторы бывают неправильно отрегулированы и не выдают заявленной мощности, а то и выходят из строя. Сказал также, что Северову с механиком повезло, старшина Новоселов – замечательный специалист, а Глазычев со Шведовым, несмотря на несерьезное отношение ко многим вещам, ребята очень грамотные и даже талантливые. А рядом с Михалычем и с ним, Бергом, быстро и охотно учатся.

Словоохотливый Яков Карлович что-то еще рассказывал про свою работу в КБ, но Северов слушал вполуха, вспоминая гарнизоны, где ему приходилось служить в прошлой жизни. Вдруг он уловил промелькнувшее слово «впрыск».

– Простите, Яков Карлович, что вы сказали?

– А, незнакомый термин услышал! Я говорю, что даже несправедливо получается. Принцип работы впрыска топлива известен довольно давно, причем первые опыты у нас в России еще перед революцией делали. И что имеем сейчас? Немцы его до ума довели, двигатели на «Мессершмитте» с впрыском идут, а у нас дело не ладится.

«Вот так поворот! – подумал Северов. – Не иначе придется в прогрессоры подаваться!»

Каждое лето маленький Олег проводил у бабушки с де-душкой в небольшом городке, на окраине которого у них был куплен дом с участком. Неподалеку располагался аэро-дром ДОСААФ, молодые ребята и девушки учились летать на легких самолетах и прыгать с парашютом. Из машин по-больше там имелись пара «Ан-2» и старый «Ил-14», кото-рый в воздух практически не поднимался. Компания ребят, среди которых был и Олег, любила приходить к аэродрому и смотреть, как крутят фигуры пилотажа летчики и трениру-ются парашютисты. Северов уже тогда мечтал стать десант-ником и с нетерпением ждал, когда возраст позволит ходить в секцию парашютного спорта. Однажды они помогли пожи-лому мужику дотащить до стоянки самолетов какие-то ко-робки, за что тот разрешил им залезть в «Ил» и посидеть на местах пилотов. Мужчина спросил, не хотят ли они помочь ему в ремонте самолета. Трое отказались, возиться с техни-кой им было неинтересно, а вот Олег с приятелем согласи-

лись. Техник дядя Витя оказался не только хорошим специалистом, но и просто интересным человеком. Отставник, как и многие здесь, возиться с молодежью он любил и умел. Он занимался ремонтом двигателей «Ила», а ведь на нем стояли «АШ-82Т», дальнейшее развитие уже имеющихся сейчас «М-82» именно с впрыском топлива. Дядя Витя, в рамках поднятия общей грамотности населения, рассказывал ребятам об устройстве этого самого впрыска и истории развития знаменитого двигателя. Еще одним колоритным персонажем, помогавшим дяде Вите, был дед Паша. Если дяде Вите было под шестьдесят, то деду Паше было около семидесяти, если не больше. Руки он имел золотые, но отличался интересной особенностью, редким был матерщинником. Собственно, этим на Руси удивить трудно, но дед Паша не был банальным сквернословом, вставляющим мат через слово в каждую фразу. Нет, он изобретал новые слова для обозначения самых разных вещей, основой для которых были матюги. Иногда со стороны создавалось впечатление, что дед уронил себе на ногу кувалду или приложился обо что-то, а он всего лишь объяснял дяде Вите, как собирал тот или иной узел. Возились ребята все лето, почти полных три месяца, так что перебрали вместе с дядей Витей и дедом Пашей оба движка.

– Кстати, Яков Карлович! Общий принцип работы впрыска мне известен, но вот я думал на досуге...

В ходе беседы Олег изложил, как смог вспомнить, устройство впрыска на «АШ-82», попутно расспрашивая Берга об

известных ему проблемах с впрыском. В конце разговора Берг на секунду завис, потом хмыкнул, быстро допил компот, попрощался и чуть ли не бегом направился к себе.

– Придумал чего-то! – уважительно сказал Глазычев. – Он периодически в КБ письма шлет, всякие улучшения предлагает.

После обеда Северов сел за изучение района, надо будет сдать зачет штурману полка.

Время шло, Северов освоился в полку. Зачет у штурмана полка по знанию района он получил быстро – сказалась хорошая память. Топливо было, поэтому полеты проводились ежедневно, а Олег стал внушать Ларионову, что работа истребителей парами гораздо эффективнее трехсамолетного звена. Обратил внимание на то, что при многих совместных эволюциях третий самолет явно не поспевает за другими. Ларионов раздосадованно махнул рукой:

– Думаешь, один ты такой умный? Я Коробкову об этом давно талдычу. Он, может быть, и сам все это не хуже нас с тобой понимает. Да тут случай был. Приезжал к нам в начале года какой-то чин из ГУВВС, полковник. Терентьич ему про пары самолетов и выложил, хотел как лучше, а получилось... В общем, московский гость такой скандал учинил, что я думал, все, будет у нас новый командир. Да еще базу идеологическую подо все подвел. Так что заикнись Коробков снова об этом, могут и под трибунал отдать. Вот так!

Тогда Северов зашел с другой стороны. В эскадрилье из

шести летчиков приличными навыками пилотирования и воздушного боя владели всего три человека: Ларионов, Северов и лейтенант Алексей Бабочкин – ведущий второго звена, с которым Олег делил комнату в домике командного состава. Алексей участвовал в войне с финнами, имел боевой опыт, сбитый финский «Фоккер» и вообще, понравился Олегу вдумчивым подходом к любому делу и хорошей эрудицией. Лейтенант много читал, был приверженцем использования радиосвязи, прекрасно ориентировался на местности и выдумывал более эффективные способы управления авиационными подразделениями в бою. Северов рассказал ему в общих чертах о радиолокации и нанесении тактической обстановки на планшет. Этого оказалось достаточно, чтобы Алексей засел за подбор и изучение литературы по этому вопросу.

Итак, три летчика из шести имеют шанс потягаться с немцами, а остальные? Сержанты прошлогоднего осеннего выпуска. Минимальный налет часов, практически отсутствующие навыки стрельбы, неплохой моральный дух, но слабая дисциплина из-за перевода в состояние срочнслужажих. В полку с ними, конечно, занимались, но топливо появилось всего месяц назад, до этого экономили. Техника не новая, много времени тратится на ее ремонт и обслуживание, а, учитывая неважную подготовку технических специалистов, эти ремонты и обслуживание качество имеют соответствующее. Кроме того, со дня на день придут сержанты – вы-

пускники летных школ 1941 года.

Северов предложил все-таки разбить эскадрилью на пары и отработать совместный пилотаж. Без докладов наверх, потихому. Комполка, конечно, все увидит сам, но, если Ларионов с ним поговорит, может сделать вид, что не заметил. А там, про себя добавил Северов, и война уже начнется, всего три недели осталось.

На такую авантюру комэск-3 неожиданно легко согласился, а Коробков обещал не замечать. Уважение к нему со стороны Северова возросло, он понимал, чем тот рискует, если что...

Еще одной новостью стало появление Берга с целой полуторкой какого-то оборудования. Оказалось, что он давно раздумывал над впрыском топлива и разговор с Северовым просто «сложил мозаику» в его голове. Он привез «М-63» с впрыском! Мощность около 1200 л.с.! В Станиславе локомотиворемонтный завод имел очень приличный станочный парк, так что за две недели Берг сумел довести до рабочего состояния свою модель впрыска, над которой колдовал с самого прибытия в полк. А Глазычев и Шведов, прозванные Олегом Винтиком и Шпунтиком, установили на его самолет радиостанцию с экранированной проводкой. От нее отказались, что характерно, комэск-1 Вася, мотивируя тем, что работает плохо, больше шумит, лишний вес. Прозвища прижились, а сержанты теперь в свободное время активно занимались физподготовкой вместе с ротой охраны. Олег и сам по

утрам с удовольствием бегал с ними, занимался гимнастикой, силовыми упражнениями, а также рукопашным боем с Петровичем и Денисом. По просьбе Олега Винтик и Шпунтик сделали ему пару прекрасных метательных клинков и нож по типу соборовских «Кобры» и «Акелы». Они были выполнены из прекрасной стали от швейцарского подшипника. Себе они сделали такие же, но из стали попроще, и теперь учились их метанию и ножевому бою. Сам Северов освоил работу с ножом еще в Афгане, научил капитан-разведчик, чье подразделение базировалось по соседству.

Свой «ишачок» с новым двигателем Олег облетал 12 июня и остался им очень доволен. Михалыч с ребятами поколдовал с его обшивкой, убрал, по возможности, все щели и неплотно прилегающие крышки. По замерам скорость получилась около 500 км/ч, точнее сказать было трудно. По сравнению с «Me-109E», а тем более «F», не очень впечатляло, но все же намного лучше серийных машин, особенно с «M-25».

Иногда на Северова накатывала тоска от того, что он ничего не может изменить, что погибнут миллионы людей, что почти никто из тех, кто его сейчас окружает, не доживет до Победы. Олег гнал эти мысли, занимал себя работой, но временами они вновь посещали его, особенно по ночам. И чем ближе к 22 июня, тем чаще.

14 июня, в субботу, командир полка дал личному составу выходной. Некоторые, собрав компанию любителей рыбал-

ки, отправились во главе с комэском-1 Васей на какое-то его «особое» место. Часть, разбившись на две команды, устроила футбольный матч. А некоторые, в число которых входил и Северов, поехали в Станислав. Летчики разбрелись по городу, Северов решил посмотреть памятники архитектуры – единственную на Украине ратушу в стиле модерн, Коллегиальную церковь Пресвятой Девы Марии в стиле барокко и другие.

На следующей неделе начали прибывать выпускники летных школ, шесть из них пришли в третью эскадрилью. Теперь в ней было двенадцать летчиков – четыре трехсамолетных звена. К сожалению, отработать работу парами не удалось, совершили только пару вылетов. Еще несколько вылетов сделали в составе уставных трехсамолетных звеньев.

В четверг 19 июня Булочкин поехал в Станислав забрать прибывшее по железной дороге имущество БАО и дополнительное вооружение для роты охраны. Олег поехал с ним – Коробков хотел убедиться, что запасные приборы для истребителей именно те, которые были заказаны, накладки у снабженцев не были большой редкостью. Поэтому послал с ним первого попавшегося пилота – Северова.

В Станислав они приехали слишком рано, на складе их ждали только через пару часов, поэтому решили пообедать в соседнем ресторанчике. Полуторку, на которой они приехали, загнали в соседний переулок, чтобы не оставлять ее посреди улицы.

Когда Булочкин с Северовым подошли к машине после обеда, их внимание привлекло истошное карканье. Через двор, выписывая замысловатые пируэты, летела ворона. На ее спине, вцепившись когтями в шею, сидел маленький котенок. Ворона выделявала фигуры высшего пилотажа, которым позавидовал бы любой истребитель.

– Ну прямо Чкалов! – восхитился Петрович.

Тем временем ворона все-таки стряхнула маленького наездника, и тот свалился в куст смородины.

– Хорошо, что не в крыжовник! – прокомментировал Булочкин, а Олег полез в куст и вытащил оттуда брата-летчика. Котенок оказался короткошерстным с интересным серым волнистым окрасом. Его решили забрать с собой. Петрович предложил назвать котенка Валерой в честь Чкалова.

Приборы оказались нужными, и вскоре друзья вернулись в расположение полка. Валера поселился в комнате Олега.

В пятницу 20 июня Северов подошел к Булочкину:

– Петрович, отмени увольнительные своим людям в эти выходные!

– Чего вдруг?

– Не вдруг! Разговоры про действия диверсантов последнее время идут, к тому же нападение в выходной день дает больше шансов, что часть командиров будет отдыхать. Ведь никого из них на казарменное положение не перевели. Ну и самая короткая ночь.

Булочкин несколько секунд раздумывал, потом кивнул и

ушел к себе, а Северов пошел к Коробкову и попытался набиться дежурить с субботы на воскресенье. Коробков отказал и, собрав комэсков, приказал выделить дежурное звено из второй эскадрильи и держать его в двухминутной готовности. В воскресенье многие летчики хотели поехать в Станислав на стадион, а Олег решил остаться на аэродроме.

Глава 3

Около половины четвертого Северов пришел в штаб. Дежурный что-то писал в журнале, дежурное звено находилось около машин. Это были три «Чайки» «И-153».

– Чего не спишь?

– Как обстановка? Связь есть?

Удивленный дежурный поднял трубку телефона. Тишина.

– Что это значит?

– Поднимай полк по тревоге! Вражеские диверсанты перерезали связь. Переходи на связь по радио! Посылай связистов на линию в сопровождении охраны!

Ошеломленный таким напором дежурный принялся отдавать приказания и послал за командиром полка.

Отделение из роты охраны аэродрома со связистами выдвинулось по линии для поиска повреждений. Роту охраны Булочкин поднял в ружье. В штабе появился командир полка.

– Ты что вытворяешь!?! – разозленный Коробков напустился на Северова. – Я тебя под арест посажу, паникер!

В это время невдалеке раздались выстрелы, отделение охраны, ушедшее на линию, приняло бой с диверсантами. Им на помощь немедленно выдвинулось еще два отделения того же взвода. Немцы, не ожидавшие, что со связистами будут солдаты, да еще так хорошо обученные, сначала ввязались

лись в бой, а потом попытались оторваться, но быстро были уничтожены подоспевшим подкреплением. Связисты исправили повреждение, и в штабе зазвонил телефон. В четыре часа из штаба дивизии сообщили, что немецкие самолеты пересекли государственную границу. Коробков немедленно дал команду на взлет дежурному звену, «Чайки», ревя моторами, ушли в начинающее светлеть небо.

Первым поднялся командир звена младший лейтенант Леонид Бутелин. Когда «Чайки» его звена набрали высоту, немецкие самолеты двумя группами уже подходили к Станиславу. «Юнкерсы-88» шли довольно низко, плотным сомкнутым строем – так легче вместе отбиваться от атак истребителей, тем более что своего истребительного прикрытия не было. Времени на построение атаки с задней полусферы не было, Леонид повел свое звено в лобовую атаку. Он решил сосредоточить огонь на ведущем первой группы, это должно подействовать на остальных и нарушить их строй.

«Чайки» его звена были вооружены крупнокалиберными пулеметами «БС» и двумя «ШКАСами» винтовочного калибра. Для бомбардировщика этого было маловато, но лучше, чем четыре «ШКАСа» на большинстве других «Чаек». Не обращая внимания на встречный пулеметный огонь, Бутелин прошил ведущий «Юнкерс» длинной очередью из всего бортового оружия. Пули попали в бензобаки, и охваченный пламенем бомбардировщик ушел к земле. Другие летчики его звена оказались менее удачливыми и, совершив бо-

своей разворот, пытались атаковать «Юнкерсы» сзади. Это не такая уж легкая задача, тем более что пилоты не очень опытные. Оба истребителя были повреждены, но им также удалось повредить два самолета противника, один из них тяжело. Через некоторое время он упал.

Тем временем Леонид, совершив несколько атак, заметил, что один из бомбардировщиков второй группы совершает заход на бензохранилище. Младший лейтенант прекратил атаку и устремился к новой цели. Ему удалось совершить заход на бомбардировщик сзади, но пулеметы молчали – Леонид расстрелял все патроны. Тогда он увеличил обороты мотора, решив таранить врага. «Юнкерс-88» является скоростным бомбардировщиком, если бы он успел отбомбиться, догнать его на «Чайке» или «ишачке» не удалось бы. Но он шел с максимальной бомбовой нагрузкой, и Бутелин на полном газу настиг врага, винт его истребителя врубился во вражеский хвост. Леонид в спешке пристегнулся только поясным ремнем, а разница в скоростях была приличной – Бутелин боялся не успеть сорвать атаку на бензохранилище. От удара его бросило на прицел, летчик потерял сознание. «Чайка» Леонида рухнула на землю вместе со сбитым им немецким самолетом.

Для отражения налета сил было слишком мало, «Юнкерсы» вывалили свой груз на аэродром. Взлетно-посадочная полоса практически не пострадала, но больше десятка самолетов превратились в обломки. Пострадали дома командно-

го состава, казармы, здание штаба.

Сразу после ухода вражеских бомбардировщиков третья эскадрилья в полном составе поднялась на прикрытие Станислава, звено первой эскадрильи ушло на разведку противника.

Северов шел сзади Ларионова метрах в ста, правее и выше метров на двадцать. Другой ведомый, сержант Зайченко, старался держаться поближе к комэску, так он чувствовал себя более уверенно. Остальные звенья шли клином, также в плотном строю. Кроме машины Северова радиостанции были только у Ларионова и Бабочкина, у других командиров звеньев были только приемники, а у рядовых летчиков не было и их. Все команды подавались покачиванием крыльев или взмахами рук.

Зона патрулирования находилась западнее Станислава, и эскадрилья успела набрать 3 километра высоты. Северов активно крутил головой, но атаку «Мессершмиттов» все равно прозевал. Две четверки сто девярых атаковали сверху со стороны солнца, Олег заметил их, когда разворачиваться навстречу врагам было поздно. «И-16» бодро порскнули в разные стороны, но, пока немцы разворачивались, быстро построились в оборонительный круг.

Игорь Ларионов не хотел рисковать. Если бы все пилоты в эскадрилье были уровня Бабочкина или Северова, можно было бы предпринимать активные действия. Наших было двенадцать против восьми, но Игорь понимал, что тех-

ническое и тактическое превосходство на стороне противника, поэтому решил действовать на контратаках. Это было оговорено заранее. Звено комэска-3 вышло из круга и резко развернулось навстречу ближайшей паре «Мессеров», а круг вновь сомкнулся. В лобовой атаке капитан поджег ведомого, а Северов и Зайченко отстрелялись по ведущему. Поврежденный «ишачок» сержанта пошел к земле, а немец резко спикировал и пошел на запад, оставляя за собой небольшой белый след, видимо, была повреждена система охлаждения.

– Молодец, Олежек! Минус два! – Ларионов был доволен.

Впрочем, радовался он зря. Подошли еще две четверки «Мессершмиттов». Игорь был опытным воздушным бойцом, но в таком бою помимо индивидуальных качеств важна тактика, необходимы управление и связь. А тактика была устаревшей, управления почти не было (не считать же наличие передатчиков на трех машинах и приемников еще на двух за полноценную связь).

Пилотаж пары Ларионов – Северов на гансов впечатление произвел. Сбить им больше никого не удалось, но еще два немецких истребителя, видимо, получив повреждения, вышли из боя и ушли на запад. Остальные предпочли не рисковать и, покружившись у оборонительного круга, тоже ушли.

Формально победа осталась за советскими летчиками, но Северов эйфории не испытывал. Во-первых, он понял, что, летая ведомым, вряд ли раскроет себя полностью. Его задача – держать хвост Игорю, приспосабливаться к его манере

ведения боя. А она далеко не безупречна. Во-вторых, наши ходят плотным строем, по высоте не эшелонируются, связи нет, самолеты качественно уступают противнику. Последний фактор сам по себе не фатален, но вместе с первыми тремя...

Страх, сковывающего движения и мысли, у Олега не было – в прошлой жизни в него стреляли много раз, штурмовик собирает на себя аплодисменты из всего, что только может стрелять в данный момент. Равнодушно это воспринимать нельзя, но держать себя в руках, а иногда и выключать инстинкт самосохранения Олег давно научился. Однажды он посмотрел фильм «Первый рыцарь» с Ричардом Гиром в одной из главных ролей. На вопрос, как научиться быть настоящим воином, его герой отвечает, что нужно мастерски владеть оружием, предугадывать действия противника, а еще тебе должно быть все равно, жив ты или уже умер. В прошлой жизни Северов это умел, не разучился и сейчас.

Подходя к аэродрому, Северов предложил Ларионову оттянуться назад и прикрывать посадку эскадрильи. Он знал, что немцы любят ловить на взлете и посадке. Расчет оказался верным, пара «Мессеров» вынырнула с северо-востока, но, увидев развернувшееся на них прикрытие, шарахнулась в сторону и ушла.

До вечера Северов летал еще два раза примерно в тот же район. Первый раз ходили снова эскадрилей, никого не встретили. Второй раз работали парой с комэском, болтались на трех тысячах, видели, как примерно на пяти с по-

ловиной – шести на восток прошли три девятки «Юнкерсов-88». Потянулись было за ними, но, естественно, догнать не смогли. Охранение – четверка «Мессеров» – связываться с ними не стала, зато с высоты со стороны солнца спикировала еще четверка и чуть не завалила Игоря. Спас Северов, успел вывернуться с линии огня и дать очередь, заставив отвернуть ведущего атакующей пары. Ведомый был в менее выгодной позиции для стрельбы и доворачивать не стал, уклонился. Здесь не надо было пасти менее подготовленных пилотов, связь у пары Ларионов – Северов была, решили потягаться. Дотягались до дыр в плоскостях и хвосте, у Олега пару раз бахнуло по бронеспинке, но и гансы получили свою порцию незабываемых эмоций. Сбить никого не сбили, но подырявили всех четверых изрядно, жаль не нанесли серьезных повреждений. «Мессеры» разошлись – более пострадавшая пара ушла к земле, другая – на высоту. У наших кончался бензин и боекомплект, преследовать не имело смысла, шансов догнать не было.

Зайченко появился поздно вечером. Он посадил «ишачка» недалеко от места боя. Его ястребок при посадке серьезно пострадал, и сам он, помимо ранения в руку, тоже побился. Так что его направили в госпиталь, за истребителем ушла машина.

За первый день войны полк потерял только на земле более половины своих машин – тридцать шесть, в основном в первой волне налета. Была и вторая волна, уже днем, ко-

гда третья эскадрилья вылетала второй раз. Четыре самолета техники брались восстановить. Всего заявлено одиннадцать побед – другие эскадрильи тоже сделали по паре вылетов.

«Вот так обычно и бывает, – подумал Северов, – трах-бах, и в первый же день боевых действий половины полка нет. Все, как дед и его друзья рассказывали. Ладно, спать, потом будем воевать дальше».

Следующие дни прошли в напряженном ожидании новостей, вылетах на разведку и прикрытие Станислава, поисках вражеских диверсантов и спорах с начальством. Многие, особенно молодые люди, верили в быструю победу (ну да, малой кровью и на чужой территории), некоторые даже рассуждали о скорой пролетарской революции в Германии. Северов осторожно, чтобы не вызывать подозрений, разубеждал наивных и продвигал мысли о новой тактике, приводил примеры из последних воздушных боев, после каждого вылета проводил разбор действий. Вернее, выглядело все так, что разбор проводил Ларионов, но на самом деле все проходило с подачи Олега.

Между тем даже те немногие сведения, что поступали из дивизии, совсем не радовали. Потери были велики, немцы успешно наступали, связь и управление войсками были потеряны.

Северов не помнил во всех подробностях хронику боевых действий, представлял лишь общую картину и некоторые даты, типа взятия Минска или оставления Одессы. Пока все

вроде шло без отклонений.

Однако уже на третий день войны третья эскадрилья на патрулировании шла этажеркой! Северов убедил Игоря в преимуществах нового построения, они долго обсуждали свои действия, а затем тренировались пешим по-летному всей эскадрильей. Конечно, отсутствие опыта и связи очень сильно сказывалось, но эффективность работы возросла.

Первое звено из четырех машин находилось на высоте около трех тысяч, с превышением на тысячу висело второе звено, тоже из двух пар, примерно на пяти – пяти с половиной находилась пара Ларионов – Северов. В эскадрилье были собраны «И-16» тип 28 с моторами «М-63», двумя пушками и двумя пулеметами. Стараниями Михалыча, под руководством которого работали другие техники, а также вездесущих Винтика и Шпунтика моторы работали как часы. За июнь удалось радиофицировать половину машин, так что все ведущие имели радиостанции. Берг нашел толкового специалиста по радио и добился его перевода в полк.

Первый же вылет в новой формации принес свои плоды. Подошла немецкая четверка, но работа по принципу ударил – убежал не получилась – их вовремя заметил Бабочкин. Еще одна четверка была намного выше, примерно на пяти тысячах, но на пяти с половиной был резерв – пара Ларионов – Северов. Их немцы не заметили, так как Игорь заходил со стороны солнца. В результате уработали троих: двух – звено Бабочкина, одного – Ларионов и Северов. И еще двое

ушли поврежденные, этих гоняло нижнее звено. Правда, три машины были повреждены, их пришлось ремонтировать два дня. Коробков отнесся к докладу комэска-3 несколько недоверчиво, уж больно все выглядело гладко, 3:0 в нашу пользу. Но восторженные донесения очевидцев с земли и благодарность командира 64-й ИАД сомнения развеяли. Другие эскадрильи полка также воевали не без успеха, но и несли значительные потери. В первой эскадрилье осталось всего пять «ишачков», во второй и четвертой по шесть «Чаек», а в пятой – всего две. К тому же «ишачки» были тип 18 с четырьмя «ШКАСами», «И-153» с таким же вооружением. Действовали они в основном против бомбардировщиков, поэтому большим количеством сбитых похвастаться не могли, а сами несли потери от истребителей прикрытия и стрелков бомбардировщиков. Вообще, уничтожить даже истребитель из пулеметов винтовочного калибра не так просто, а уж бомбер – тем более. Но сбить два «Мессера», два «Юнкерса-87» и «Хейнкель-111» ребята смогли.

Только за 23 июня полк сделал 58 самолето-вылетов, на следующий день почти столько же.

Вечером 24 июня, когда третья эскадрилья ужинала, за стол к Олегу подсел Петрович. С аппетитом уминая картошку с мясом и хрустя соленым огурчиком, он посетовал:

– Диверсанты, сволочи, оживились! Ладно бы только немчура, так и местные возятся. Куда лезут, идиоты безмозглые? Их ведь гансы сразу прижмут, церемониться не будут.

– Поляки?

– Они! Что за нация такая? То с немцами дружат, то собачатся. Тут же нам гадят. Мы-то им что сделали? Сколько помню, они нас всегда ненавидели.

Северов кратко рассказал историю раздела Польши в восемнадцатом веке, заметив, что далеко не все поляки нас ненавидят до потери человеческого облика.

– Ну да, – вздохнул Петрович. Мужик он был, несмотря на прошлое, невредный и отходчивый. – Обидно только. Гоняли вчера группу диверсов, точно немцы. Всех уничтожили. Но они подранили поляка-подростка, полез за нашими спинами, посмотреть захотел, дурак. Ничего страшного, руку прострелили в мякоть, пустяки. Так когда уезжали мы отсюда, какая-то сволочь нам в спину стрелять стала.

– Вернулся?

– Да ну их, потом разберемся. Сразу было видно, у стрелка ни ума, ни опыта. Я к чему говорю. Если вдруг συμβют, полякам не верь!

Северов кивнул, а сам подумал:

«Ты, Петрович, догадываешься, а я-то знаю! Так что за предупреждение и заботу спасибо, только я это уже проходил. По истории».

Усталый Олег удобно устроился на койке, под мышкой уютно мурчал котенок. Аэродром жил негромкой ночной жизнью. Заканчивался третий день войны.

Утром Северова послали на разведку в район Жолквы.

– У тебя машина – зверь! – сказал Коробков. – К тому же с радиостанцией. Пойдешь один, прикрытие дать не могу. Машин в полку мало, а дел много. Удачи!

После взлета Северов пошел по нижней кромке кучевых облаков, на высоте около полутора тысяч, внимательно осматривая горизонт. Вражеская авиация излишней активности не проявляла. Пару раз на севере на пределе видимости прошли небольшие формации бомбардировщиков с прикрытием, Северов на всякий случай уходил в облачность. Южнее Львова оборона Красной Армии проходила примерно по государственной границе, а вот севернее ситуация была значительно хуже. Оборону старались удержать по линии Рава Русская – Жолква – Броды – Луцк – Ковель. Получалось не очень хорошо.

Северов уточнил положение линии фронта, отметил движение моторизованных частей противника в общем направлении на юго-восток и развернулся в сторону своего аэродрома, когда с северо-востока показалась пара «Мессеров». Их явно вызвали наземные части, убегать было бессмысленно, поэтому Северов решил просто оттянуть их по максимуму к линии фронта и принять бой. Не получилось, с востока подходила еще пара. Олег энергично развернулся навстречу первой паре, гансы среагировали поздно – ведомый выпустил полосу черного дыма и пошел к земле. Короткая очередь из двух пушек прошла снизу по фюзеляжу и корню левого крыла. Боевой разворот навстречу второй паре,

но «Мессеры» резко ушли вверх и, развернувшись, пытались атаковать сами. Олег виражил с максимальной перегрузкой, резкими маневрами сбивал противнику прицел. Его маневры не были ограничены защитой хвоста ведущего, перегрузки были такие, что немцы быстро сдулись и решили разорвать дистанцию, традиционно пошли на высоту. Северов, наоборот, ушел еще ниже. Обрадованные птенцы Геринга посыпались вниз, стремясь зайти Олегу в хвост. Тот дал им приблизиться, резким маневром ушел с линии атаки, немцы проскочили мимо и тут же пошли вверх. Но это было предсказуемо, поэтому ведомый получил несколько снарядов, задымил и ушел в сторону. Ведущий второй пары не утомился и продолжил атаки. Северов дал зайти себе в хвост, выполнил размазанную бочку со скольжением и расстрелял его с короткой дистанции из перевернутого положения. Немецкий летчик вывалился из своего неуправляемого «фридриха», но парашют не раскрыл. Ведущий первой пары ушел не попрощавшись.

Расход топлива в воздушном бое значительно возрастает, но до аэродрома Олег дотянул. Напряжение отпускало, на смену возбуждению пришла усталость. Северов с трудом выбрался из кабины и присел на траву около крыла. Михалыч, не говоря ни слова, подал фляжку с холодной водой. Северов с наслаждением выпил несколько глотков и вылил остальное себе на голову.

Новоселов тем временем осматривал самолет, свежие

пробоины свидетельствовали о воздушном бое. Подбежали Винтик и Шпунтик, подошли свободные летчики, начались расспросы.

– Видно, погоняли тебя, – сочувственно сказал подошедший Ларионов.

– Кто еще кого погонял! – усмехнулся Олег. – Две пары мастерились. Двоих приземлил, одного повредил и один ушел, гад.

Воцарилась тишина, потом Игорь осторожно спросил:

– Подтверждение есть? Над нашими позициями дрались?

– Подтверждения не будет, если только кто-то из будущих пленных расскажет. Дрались за линией фронта.

– Так что вы нам тут сказки рассказываете! Этак каждый по десятку побед с вылета привозить будет!

Все обернулись. Говорившим оказался капитан лет тридцати, полные губы кривились в пренебрежительной усмешке, большие, навывкате, светло-серые рыбы глаза буравили младшего лейтенанта.

– Молчи, не связывайся, – успел прошептать Михалыч.

Олег понял, что это какая-то очередная знаменитость, поэтому не стал ничего говорить, не спеша поднялся и принялся разглядывать капитана. Знавшие Северова в прошлой жизни говорили, что взгляд у него в такие минуты становился очень тяжелый. Капитан, видимо, что-то почувствовал, глаза у него забежали, но он еще хорохорился:

– Я вам тут не дам очковтирательством заниматься! Я

прослежу, чтобы все данные о сбитых перепроверялись! А вы, товарищ младший лейтенант, можете быть уверены, за вами я буду следить особо! Никаких наград за свое вранье вы никогда не получите! Это всех касается! Узнаю о подобных случаях, держитесь у меня! Я вам тут...

Незаметно подошедший Петрович так хлопнул оратора по спине, что тот хрюкнул он неожиданности и громко пукнул.

– Чего развоевался, Лева? У них через полчаса боевой вылет, а ты их недоверием обижаешь!

Лева смешался, видимо, Петровича побаивался, но потом опять встрепенулся:

– Времени достаточно! Я должен довести важную информацию! Лейтенант, принесите побыстрее мой портфель, я его оставил в штабе! – обратился он к стоявшему ближе всех Леше Бабочкину.

До штаба идти было неблизко, к тому же летчики были неприятно удивлены таким откровенным выражением недоверия и угрозами.

– Уже бегу, волосы назад, – пробурчал побритый наголо Алексей.

– Что?!

– Я говорю, разрешите выполнять!? – спросил Бабочкин.

– Выполняйте, и побыстрее!

Алексей повернулся и пошел в сторону штаба, довольно громко пробурчав:

– Пердун!

Не успел он отойти, как раздалась команда на взлет. Все исправные самолеты полка ушли в западном направлении. В «ишачке» Северова копались техники, а сам он направился в штаб за дальнейшими приказами. По пути его перехватил Булочкин. Капитан сжал локоть Олега и тихо произнес:

– Этот говнюк называется Лева Кольский. Сейчас он какой-то чин в штабе КОВО, вернее, уже Юго-Западного фронта. Не связывайся с ним, он тварь злопамятная и в разные двери вхожая. Крови может выпить много. Он будет тебя провоцировать, чтобы потом на тебя рапорты катать, и Коробков прикрыть не сможет, слишком высоко для него бумажки эти летать будут. Да и не до того сейчас. Воевать надо, а не подковерной возней заниматься. Понял меня?

Северов кивнул. На ровном месте прикопался, гаденыш, во задница какая!

Капитан Вальтер Оезау, командир III./JG3, стоял у капо-нира своего самолета и смотрел на проплывающие по небу облака. Сегодня в его душе что-то перевернулось. Когда он получил сигнал о пролете одиночного русского самолета, его захватил охотничий азарт. Он решил славно поохотиться, используя в качестве загонщиков пару лейтенанта Курта Штольца. Однако этот чертов русский вместо того, чтобы стараться убежать, развернулся им навстречу и срезал ведомого Вальтера, обер-фельдфебеля Лемке. А затем показал такой класс пилотажа, что Оезау, опытный воздушный боец,

сразу понял — этот русский просто перелетает его, маневрировать с такими дикими перегрузками невозможно. Значит, надо разорвать дистанцию и уйти на высоту. Русский за ними не успеет, у него старый самолет, он потеряет скорость и станет легкой добычей. Но хитрый русский вверх не пошел, он пошел вниз. Тогда они развернулись и атаковали его, а Иван опять их перехитрил и Штольц тоже лишился ведомого, тот был ранен, но до аэродрома дотянул. Злость затмила его разум, русский дал зайти себе в хвост и, когда бедняга Курт уже праздновал победу, каким-то невероятным способом вывернулся, сам зашел ему в хвост и сбил, демонстрируя превосходные навыки стрельбы из перевернутого положения. У Вальтера кончалось горючее, и он принял решение возвращаться. Хотя зачем обманывать самого себя, он просто ушел от этого страшного русского, который расправился с его ребятами, он вдруг понял, что ничего не сможет сейчас сделать и просто погибнет сам. Руки и ноги все сделали сами, когда гауптман опомнился, русский уже ушел, а сам он подлетал к аэродрому.

Сбоку раздался шорох, капитан Оезау повернул голову и увидел майора Гюнтера Лютцова, командира JG3.

— Вальтер, что случилось?

— Гюнтер, я не знаю, как это получилось! Я не знаю! Один русский, один! На старом «И-16»! Он сбил Штольца и Лемке, Дорн ранен. Он пилотировал с такими перегрузками, что мы ничего не могли сделать!

Оезау трясло, и Лютцов похлопал его по плечу:

– Ну, Вальтер, перестань! Ребят жаль, но это война. Пойдем, я угощу тебя хорошим коньяком.

На следующий день снова ходили эскадрилей, но на юго-запад. Немцы работали в тесном взаимодействии наземных войск и авиации, но Северов знал, что если эту связку нарушить, т. е. создать проблемы для вражеской авиации, то и наземные войска начнут пробуксовывать, замедлят темп наступления. Он же предложил использовать «Чайки» в качестве штурмовиков. Коробков предложение оценил, тем более что от всех авиационных командиров требовали наносить удары по мехколоннам противника. Третья эскадрилья использовалась как прикрытие и снова использовала построение – этажерку. Ларионов со своим ведомым как обычно были сверху, почти на 6 тысячах. В налет на вражеский аэродром они пошли с таким расчетом, чтобы начать штурмовку на самом рассвете. А перед вылетом на инструктаже Северов обратил внимание на то, что нужно стремиться в первую очередь уничтожать не технику, а летный состав противника. Самолет сделать проще и быстрее, чем подготовить летчика и дать ему набраться опыта. По данным авиаразведки, на полевом аэродроме около Перемышля базировалось несколько десятков самолетов из состава JG3 и SG1, «фридрихи» и «штуки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.